Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования

Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви

Вестник Вологодской духовной семинарии

№1, 2022

Вологда, 2022

**Вологодская духовная семинария
Вологодской епархии
Русской православной церкви**

Вестник Вологодской духовной семинарии

№1, 2022

Вологда
«Арника»
2022

16+

УДК 27-1(051)

ББК 86.37

В38

Главный редактор – митрополит Вологодский и Кирилловский Савва, доктор церковной истории.
Заместитель главного редактора – протоиерей Алексей Алексеевич Ольховников, ректор Вологодской духовной семинарии.
Члены редакционной коллегии: Агафонов Евгений Александрович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Вологодской духовной семинарии; Кирилова Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Вологодской духовной семинарии; Кудрявцева Ирина Григорьевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Вологодской духовной семинарии; Оботурова Наталья Сергеевна, доктор философских наук, старший преподаватель кафедры библейско-богословских дисциплин Вологодской духовной семинарии; Рюмин Роман Владимирович, кандидат филологических наук, проректор по развитию Вологодской духовной семинарии; Спасенкова Ирина Валентиновна, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета; Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, доцент кафедры церковно-исторических дисциплин Вологодской духовной семинарии.
Ответственный секретарь редакционной коллегии – Красиков Алексей Николаевич, проректор по научно-методической работе Вологодской духовной семинарии.

Интернет-страница
Вестника Вологодской духовной семинарии
http://vologda-seminaria.ru/vestnik/

Содержание

Кирилова Е. А. Комбинаторные типы основ диалектных сложных слов в вологодских говорах 2

Буянова Л. Ю., Рюмин. Р. В. Лингвоконфессиональные и культурогенные основания русского национального языка 25

Здор Н. А., Рядчикова Е. Н., Рюмин Р. В. Специфические характеристики понятия «интеллигенция» как составляющие его онтологического статуса 42

Игумен Иоасаф (Вишняков) Богородице-Рождественский Ферапонтов мужской монастырь: история обители от основания до второй половины XVII в..... 53

Иеромонах Ферапонт (Широков) Отчеты ревизоров Учебного комитета при Святейшем Синоде как источник по истории духовного образования в Российской империи..... 68

Зяблицкий С., иерей Миссионерская деятельность священника Иоанна Полянского среди старообрядцев Вологодской губернии..... 76

Денискин А., иерей

Духовно-нравственный и социально - психологический аспекты деятельности православно-ориентированных добровольцев..... 84

Кирилова Елена Алексеевна
Вологодская духовная семинария
Кандидат филологический наук

Комбинаторные типы основ диалектных сложных слов в вологодиских говорах

Аннотация:

В работе описан инвентарь комбинаторных типов сложных основ диалектных слов. Диалектные слова сгруппированы по принадлежности к частям речи: именам существительным, именам прилагательным или глаголам. Деление каждой основы на морфемы подтверждается ссылками на инвентарь морфем современного русского языка в его литературном варианте или в вологодских говорах.

Ключевые слова: вологодские говоры, сложные слова, диалектные слова, части речи, морфемы, морфемная комбинаторика основ диалектных сложных слов.

Combinatorial Types of Dialectal Compound Words' Bases in Vologda Dialects

Annotation:

The paper describes an inventory of combinatorial types of complex bases of dialectwords. Dialect words are grouped according to their belonging to parts of speech: nouns,adjectives or verbs. The division of each base into morphemes is confirmed by references to the inventory of morphemes in the modern Russian language in its literary version or in the Vologda accents.

Key words: Vologda accents, compound words, dialectal words, parts of speech, morphemes, morphemic combinatorics of the bases of dialectal compound words.

Изучению морфемной комбинаторики основ слов различных частей речи в русскомязыке посвящены исследования В.В В.В. Лопатина и И. С. Улуханова [РГ], А. И. Кузнецовой и Т. Ф. Ефремовой [СМ] и ряда других исследователей, а на диалектном материале – Л. В. Ивановой [Иванова, 1972],Е. Н. Шабровой

[Шаброва, 1997], Е. М. Пантелеевой [Опыт,1982] и др. преимущественно на базе севернорусских (вологодских, уральских, сибирских) говоров. С учётом результатов этих исследований в данной работе представлен инвентарь комбинаторных типов сложных основ диалектных слов, сгруппированных по принадлежности к частям речи – именам существительным, именам прилагательным или глаголам. Сегментация каж-дой основы подтверждается ссылками на инвентарь морфем сов- ременного русского языка в его литературном варианте [СМ] или в системе вологодских гово-ров на современном этапе их су- ществования [СВГ].

Сложные основы имён существительных могут иметь в своём составе две корневые морфемы в различных сочетаниях с аффиксами. На основе этих сочетаний могут быть выделены одиннадцать комбинаторных типов сложных основ диалектных имен существительных

1) RiR: чист/о/лист ‘береза повислая (бородавчатая)’ [СВГ, 12: 47] – ср.: -чист-[СМ: 396], -лист- [СМ: 188]

Ср. также: бос/о/ног/и ‘легкие летние женские туфли’ [СВГ, 1: 41] – ср.: -бос- [СМ: 39], 2 -ног- [СМ: 227]; бел/о/ус ‘травянистое растение’ [СВГ, 1: 28] – ср.: -бел- [СМ: 30], -ус- [СМ: 368], перв/о/-сох/а ‘деревянная соха’ [СВГ, 7: 27] – ср.: -перв- [СМ: 243], 1 - сох- [СМ: 319], сух/о/бор ‘лес на сухом возвышенном месте; сухое место на болоте’ [СВГ, 10: 165] – ср.: -сух- [СМ: 337], 3 -бор- [СМ: 38], сух/о/пар ‘зной’ [СВГ, 10: 166] ср.: - сух- [СМ: 337], 1 -пар- [СМ: 238], пят/и/рук ‘коса длина лезвия которой составляет площадь, равную 5 ладоням’ [СВГ, 8: 118] ср.: 1 -пят- [СМ: 273], -рук- [СМ: 287],шест/и/рук ‘коса, длина лезвия которой составляла расстояние, равное шести ладоням’[СВГ, 12: 87] – ср.: 2 -шест- [СМ: 402], -рук- [СМ: 287]; девят/и/рук ‘коса, лезвие которой измеряется девятью мужскими ладонями’ [СВГ, 2: 16] – ср.: -девят- [СМ: 101],-рук- [СМ: 287], сорок/о/уст ‘сороковой день после чьей-нибудь смерти, а также поминки в этот день по умершему’ [СВГ, 10: 83] – ср.: 1 -сорок- [СМ: 319], част/о/кол ‘молодой лес из из высоких, тонких деревьев, близко расположенных друг к дру-

гу’ [СВГ, 12:20] – ср.: 2 -част- [СМ: 388], 1 -кол- [СМ: 156],черн/о/глин ‘неплодородная глинистаяпочва’ [СВГ, 12: 34] – ср.: -черн- [СМ: 391], -глин- [СМ: 80], крут/о/бай ‘человек, который быстро, часто говорит; говорун’ [СВГ, 4: 6] – ср.: -крут- [СМ: 172], -бай- (ср.: ба[й-а]ть[СВГ, 1: 26]), част/о/бай ‘человек, который быстро, торопливо говорит; разговорчивыйчеловек’ [СВГ, 12: 20] – ср.: 2 -част- [СМ: 388], -бай- (ср.: ба[й-а]ть [СВГ, 1: 26]),ласк/о/бай ‘приветливый, обходительный человек’ [СВГ, 4: 32] – ср.: -ласк- [СМ: 181], -бай- (ср.: ба[й-а]ть [СВГ, 1: 26]), позд/о/кос ‘сено осеннего укоса’ [СВГ, 7: 125] – ср.: -позд- [СМ: 256], 1 -кос- [СМ: 164], пуст/о/корм ‘тунеядец’ [СВГ, 8: 110] – ср.: 2 -пуст-[СМ: 269], 1 -корм- [СМ: 162], пуст/о/руб ‘бревенчатые выступы на углу дома’ [СВГ, 8:110] – ср.: 2 -пуст- [СМ: 269], -руб- [СМ: 286], сух/о/мес ‘кушанье из толокна, залитого горячей водой и круто замешанного, которое сверху поливают сметаной, молоком,простоквашей или растительным маслом’ [СВГ, 10: 166] – ср.: -сух- [СМ: 337], 1 -мес- [СМ: 206], толст/о/дум ‘тугодум’ [СВГ, 11: 37] – ср.: -толст- [СМ: 352], -дум- [СМ: 112], скор/о/ходы ‘старинная женская обувь – башмаки на высоких каблуках’ [СВГ, 10: 30] –ср.: 1 -скор- [СМ: 307], -ход- [СМ: 378], скор/о/дум ‘оладья, лепешка из толченого вареного картофеля’ [СВГ, 10: 29] – ср.: 1 -скор- [СМ: 307], -дум- [СМ: 112], тих/о/брод человек, который медленно ходит’ [СВГ, 11: 25] – ср.: -тих- [СМ: 350], -брод- [СМ: 42], толст/о/сер/я ‘растение горец змеиный; растение щавельник конский’ [СВГ, 11: 37] – ср.: -толст- [СМ: 352], -сер’-, вод/о/нос ‘коромысло’ [СВГ, 1: 76] – ср.: 2 -вод- [СМ: 66], 2 -нос- [СМ: 227], вод/о/пусок ‘водосточная труба’ [СВГ, 1: 76]– ср.: 2 -вод- [СМ: 66], -пуск-[СМ: 269], дегт/е/кур ‘дегтярник’ [СВГ, 2: 16] – ср.: -дегт- [СМ: 102], 1 -кур- [СМ: 176], дом/о/зор ‘муж, живущий в доме жены’ [СВГ, 2: 44] – ср.: -дом- [СМ: 108], -зор- [СМ:132], жерд/о/гон ‘рыбак, который при подлёдном лове продвигает жердь с сетью или неводом подо льдом’ [СВГ, 2: 84] – ср.: -жерд- [СМ: 121], -гон- [СМ: 85], пил/о/став ‘человек, который точит пилы’ [СВГ, 7: 59] – ср.: -пил- [СМ: 246], -ста(в)- [СМ: 321], плат/о/мой ‘место на реке, предназначенное для полоскания белья: в расширенное и углублённое место спущен

полоскания белья: в расширенное и углублённое место спущен деревянный сруб' [СВГ, 7: 65] – ср.: 2 -плат- [СМ: 250], -мой- [СМ:], рек/о/лом 'вскрытие рек. [СВГ, 9: 50]– ср.: 1 -рек- [СМ: 280], -лом- [СМ: 191], рек/о/стай 'время замерзания рек' [СВГ, 9: 50] – ср.: 1 -рек- [СМ: 280], -стай- [СМ: 321], рук/о/дель 'рукоделие' [СВГ, 9: 70] – ср.: -рук- [СМ: 287], -дел- [СМ: 102], рук/о/тёр 'тряпка из грубого холста для вытирания рук; кухонное полотенце; др.' [СВГ, 9: 71] – ср.: -рук- [СМ: 287], 1 -тер- [СМ: 346], сен/о/вяз 'верёвка, которой завязывали сено при перевозке' [СВГ, 9: 122] – ср.: 1 -сен- [СМ: 301], 2 -вяз- [СМ: 75], сен/о/гной 'мелкий продолжительный дождь во время сенокоса' [СВГ, 9: 22 - 123] – ср.: 1 -сен- [СМ: 301], -гной- [СМ: 82], стог/о/прав 'человек, который стоит на стогу, принимает сено и укладывает его в стог' [СВГ, 10: 129] – ср.: -стог- [СМ: 328], -прав- [СМ: 262], сол/о/зоб 'человек, который любит соленую пищу' [СВГ, 10: 75]– ср.: 1 -сол- [СМ: 317], -зоб- [СМ: 132], суд/о/плат 'мастер, занимающийся изготовлением и ремонтом металлической посуды' [СВГ, 10: 153]– ср.: 2 -суд- [СМ: 336], 2 -плат- [СМ: 250]; хлеб/о/рез 'нож для резки хлеба' [СВГ, 11: 116] – ср.: 1 -хлеб- [СМ: 376], -рез- [СМ: 279].

2) RiRS: крут/о/бай/к/а 'человек, который быстро, часто говоговорит' [СВГ, 4: 6] – ср.: -крут- [СМ: 172], -бай- (ср.: ба[й-а]ть [СВГ,1: 26]).

Ср. также: прост/о/киш/к/а ' простокваша' [СВГ, 8: 96] – -киш- [СМ: 148], сыр/о/еж/к/а 'кушанье из толченых ягод с молоком и толокном' [СВГ, 10: 178] – ср.: -сыр- [СМ: 338], -еж- [СМ:], сол/о/зоб/к/а 'женщина, который любит соленую пищу' [СВГ, 10: 75] – ср.: 1 -сол- [СМ: 317], -зоб- [СМ: 132], рук/о/тёр/к/а 'тряпка из грубого холста для вытирания рук' [СВГ, 9: 71] – ср.: -рук- [СМ: 287], 1 -тер- [СМ: 346], част/о/бай/к/а 'женщина, которая быстро, торопливо говорит' [СВГ, 12: 20]– ср.: 2 -част- [СМ: 388], -бай- (ср.: ба[й-а]ть [СВГ, 1: 26]), черт/о/гон/к/а 'проклятая женщина' [СВГ, 12: 37] – ср.: 2 - черт- [СМ: 392], -гон- [СМ:], лед/о/ход/иц/а 'ледоход' [СВГ, 4: 34] – ср.: 2 -лед- [СМ: 182], -ход- [СМ: 378], сен/о/кос/иц/а 'женская рубашка с вышивкой (чаще

[СМ: 378], сен/о/кос/иц/а ‘женская рубашка с вышивкой (чаще всего в ней ходили на сенокос)’ [СВГ, 9: 123]– ср.: 1 -сен- [СМ: 301], 1 -кос- [СМ: 164], сух/о/сто/ин/а ‘засохшее на корню дерево’ [СВГ, 10: 166]– ср.: -сух- [СМ: 338], -сто- [СМ: 327]; востр/о/нос/ик ‘лапоть с особой (острой) формой носка’ – ср.: -востр- [СМ: 71], -нос- [СМ: 227], шест/и/пал/ик ‘человек с шестью пальцами на руке или ноге’ [СВГ, 12: 86] – ср.: -шест- [СМ: 402], 3 -пал- [СМ: 238] толст/о/лоб/ик ‘бобр’ [СВГ, 11: 37] – ср.: -толст- [СМ: 352], -лоб- [СМ: 189], толст/о/пуз/ик ‘мужчина с большим, толстым животом’ [СВГ, 11: 37] – ср.: -толст- [СМ: 352], -пуз- [СМ: 268], толст/о/голов/ик ‘человек с большой, крупной головой’ [СВГ, 11: 37] – ср.: -толст- [СМ: 352], -голов- [СМ: 84], толст/о/брил/ик ‘человек с большими, толстыми губами’ – ср.: -толст- [СМ: 352], -брыл- [СМ: 43], толст/о/губ/ик ‘человек с большими, толстыми губами’ [СВГ, 11: 37]– ср.: -толст- [СМ: 352], 2 -губ- [СМ: 94], един/о/лич/к/а ‘во время единоличного ведения хозяйства’ [СВГ, 2: 71]– ср.: -един- [СМ: 116], -лич- [СМ: 189], люб/о/пыт/к/а ‘любопытная женщина’ [СВГ, 4: 60] – ср.: -люб- [СМ: 195], -пыт- [СМ: 272], пят/и/сот/к/а ‘стеклянная ёмкость, банка 500 мл. ’ [СВГ, 8: 118] – ср.: -пят- [СМ: 273], 1 -сот- [СМ: 319], дв/ух/руч/к/а ‘пила с двумя ручками’ [СВГ, 2: 14]– ср.: -дв- [СМ: 98], -руч- [СМ: 287], одн/о/руч/к/а ‘пила-ножовка’ [СВГ, 6: 34] – ср.: -одн- [СМ: 233], -руч- [СМ: 287]; пуст/о/сме/х ‘несерьёзный, смеющийся по любому поводу человек’ [СВГ, 8: 110] – ср.: 2 -пуст- [СМ: 269], 1 -смех- [СМ: 314], одн/о/гуз/к/а ‘двухколёсная тележка с деревянными решётками спереди или сзади для перевозки сена, снопов и др.’ [СВГ, 6: 33] – ср.: -одн- [СМ: 233], -гуз- [СМ: 94], одн/о/дерев/к/а ‘лодка, выдолбленная из цельного дерева’ [СВГ, 6: 33] – ср.: -одн- [СМ: 233], 2 -дерев- [СМ: 104], одн/о/зуб/к/а ‘холст из грубой пряжи, сотканный в одну нить; сарафан из грубого холста’ [СВГ, 6: 33] ср.: -одн- [СМ: 233], -зуб- [СМ: 133], одн/о/круж/к/а ‘двухколёсная тележка с деревянными решётками спереди и сзади для перевозки сена и снопов’ [СВГ, 6: 33] – ср.: -одн- [СМ: 233], 2 -круж- [СМ: 172], одн/о/ряд/к/а ‘рабочие

рукавицы из холста' [СВГ, 6: 34]. – ср.: -одн- [СМ: 233], -ряд- [СМ: 291]; сем/и/сёл/к/а 1. 'непоседливая, подвижная девочка, женщина; легкомысленная, непостоянная, ветреная девушка, женщина; др.' [СВГ, 9: 120] – ср.: 1 -сем- [СМ: 301], -сёл- [СМ: 301], сем/и/-шов/к/а 'юбка-семиклинка; женская кофта, расклешенная от пояса при помощи семи клиньев; кофта, имеющая шесть швов' [СВГ, 9: 120] – ср.: 1 -сем- [СМ: 301], -шов- [СМ: 406], сорок/о/-нож/к/а 'гусеница; вошь' [СВГ, 10: 83] – ср.: -сорок- [СМ: 319], 2 -нож- [СМ: 227], тр/ех/клин/к/а 'шуба, у которой спинка шилась из трех клиньев' [СВГ, 11: 59] – ср.: -тр- [СМ: 356], 1 -клин- [СМ: 152]; сем/и/глаз/к/а 'рыба минога ручьевая; пиявка' [СВГ, 9: 119] – ср.: 1 -сем- [СМ: 301], -глаз- [СМ: 79]; пят/и/руч/к/а 'коса длина лезвия которой составляет площадь равную 5 ладоням' [СВГ, 8: 118] – ср.: 1 -пят- [СМ: 273], -руч- [СМ: 287], сем/и/руч/к/а 'коса, лезвие которой измеряется семью мужскими ладонями' [СВГ, 9: 120] – ср.: 1 -сем- [СМ: 301], -руч- [СМ: 287], девят/и/руч/к/а 'коса, лезвие которой измеряется девятью мужскими ладонями' [СВГ, 2: 16] – ср.: -девят- [СМ: 101], -руч- [СМ: 287], одн/о/руб/к/а 'нить в ткацком станке' [СВГ, 6: 34] – ср.: -одн- [СМ: 233], -руб- [СМ: 286]; перв/о/сол/к/а 'свежепросольный огурец' [СВГ, 7: 26] – ср.: -перв- [СМ: 243], 1 -сол- [СМ: 317], перв/о/уч/к/а 'человек, который недавно приступил к какой-либо деятельности, к какому-либо роду занятий' [СВГ, 7: 27] – ср.: -перв- [СМ: 243], -уч- [СМ: 369], сем/и/рез/к/а – 'доска определенной ширины, каждая из семи досок, нарезаемых из одного бревна' [СВГ, 9: 119] ср.: 1 -сем- [СМ: 301], -рез- [СМ: 279], дв/у/кар/к/а 'сосна, толщина ствола которой позволяет сделать на нём два специальных надреза для стока смолы' [СВГ, 2: 13], тр/ех/кар/к/а – ср.: -тр- [СМ: 356], -дв- [СМ: 98], -кар- (ср.: кар/з/а/ть 'обрубать сучья, ветки с дерева' [СВГ, 3: 39]), долг/о/голов/к/а 'человек с головой продолговатой формы' [СВГ, 2: 39] – ср.: 1 -долг- [СМ: 107], -голов- [СМ: 84], долг/о/голос/к/а 'песня, продолжительная по времени звучания' [СВГ, 2: 39] – ср.: 1 -долг- [СМ: 107], -голос- [СМ: 84], прост/о/волос/к/а – ср.: -прост- [СМ: 265], -волос- [СМ:

69]; пуст/о/голов/к/а ‘простоволосая женщина’ [СВГ, 8: 109]– ср.: 2 -пуст- [СМ: 269], -голов- [СМ: 84], черн/о/труб/к/а ‘печь, не имеющая трубы; изба с такой печью’ [СВГ, 12: 34] – ср.: -черн- [СМ: 394], -труб- [СМ: 360]; бел/о/мой/к/а ‘аккуратная, чистоплотная женщина’ [СВГ, 1: 28] – ср.: -бел- [СМ: 30], -мой- [СМ: 212], гол/о/-мут/к/а ‘похлёбка, приготовленная из молока, яиц, лука и картофеля’ [СВГ, 1: 119] – ср.: -гол- [СМ: 84], -мут- [СМ: 219], крут/о/вар/к/а ‘суп с мясом (чаще со свининой) и картофелем’ [СВГ, 4: 6] – ср.: -крут- [СМ: 172], 1 -вар- [СМ: 50], лих/о/ман/к/а ‘болезнь лихорадка’ [СВГ, 4: 42]. – ср.: -лих- [СМ: 188], 1 -ман- (ср.: ман/и/ть [СМ: 199]), мал/о/ест/к/а ‘человек, который мало ест’ [СВГ, 4: 69] – ср.: 1 -мал- [СМ: 198], 2 -ес- (ср. ес/ть [СМ: 118], мног/о/еж/к/а ‘человек, любящий поесть’ [СВГ, 4: 86] – ср.: -мног- [СМ: 211], -еж- [СМ: 118], пуст/о/вар/к/а ‘постный суп, приготовленный из яйца, картофеля, муки и воды (молока)’ [СВГ, 8: 109] – ср.: 2 -пуст- [СМ: 269], 1 -вар- [СМ: 50], скор/о/бай/к/а ‘человек, который очень быстро говорит’ [СВГ, 10: 28] – ср.: 1 -скор- [СМ: 307], -бай- (ср.: ба[й-а]ть [СВГ, 1: 26]), сух/о/еж/к/а ‘блюдо, приготовленное из толокна и толченых ягод (чаще брусники) с добавлением воды или простокваши’ [СВГ, 10: 160] – ср.: -сух- [СМ: 338], -ед- [СМ: 118], сух/о/мыв/к/а ‘полоскание без предварительной стирки белья, снятого с умершего человека’ [СВГ, 10: 166] – ср.: -сух- [СМ: 338], -мы(в)- [СМ: 220]; част/о/бай/к/а ‘женщина, которая быстро, торопливо говорит’ [СВГ, 12: 20] – ср.: 2 -част- [СМ: 388], -бай- (ср.: ба[й-а]ть [СВГ, 1: 26]), чист/о/хран/к/а ‘опрятная, любящая чистоту женщина’ [СВГ, 12: 48] – ср.: -чист- [СМ: 396], -хран- [СМ: 381]; бог/о/мет/к/а ‘футляр из бересты для лопатки, которой точат косу’ [СВГ, 1: 34] – ср.: -бог- [СМ: 36], -мет- (1 -мет- (метать) или 2 -мет- (метить) [СМ: 207], вод/о/нос/к/а ‘коромысло; ушат’ [СВГ, 1: 76] – ср.: -вод- [СМ: 66], -нос- [СМ: 227]; вод/о/стой/к/а ‘кадка’ [СВГ, 1: 76] – ср.: -вод- [СМ: 66], -стой- [СМ: 327]; дом/о/сед/к/а ‘шаль больших размеров’ [СВГ, 2: 45] – ср.: -дом- [СМ: 108], 1 -сед- [СМ: 299]; дров/о/кол/к/а ‘деревянный молот для вбивания клина или

69]; пуст/о/голов/к/а ‘простоволосая женщина’ [СВГ, 8: 109]– ср.: 2 -пуст- [СМ: 269], -голов- [СМ: 84], черн/о/труб/к/а ‘печь, не имеющая трубы; изба с такой печью’ [СВГ, 12: 34] – ср.: -черн- [СМ: 394], -труб- [СМ: 360]; бел/о/мой/к/а ‘аккуратная, чистоплотная женщина’ [СВГ, 1: 28] – ср.: -бел- [СМ: 30], -мой- [СМ: 212], гол/о/-мут/к/а ‘похлёбка, приготовленная из молока, яиц, лука и картофеля’ [СВГ, 1: 119] – ср.: -гол- [СМ: 84], -мут- [СМ: 219], крут/о/вар/к/а ‘суп с мясом (чаще со свининой) и картофелем’ [СВГ, 4: 6] – ср.: -крут- [СМ: 172], 1 -вар- [СМ: 50], лих/о/ман/к/а ‘болезнь лихорадка’ [СВГ, 4: 42]. – ср.: -лих- [СМ: 188], 1 -ман- (ср.: ман/и/ть [СМ: 199]), мал/о/ест/к/а ‘человек, который мало ест’ [СВГ, 4: 69] – ср.: 1 -мал- [СМ: 198], 2 -ес- (ср. ес/ть [СМ: 118], мног/о/еж/к/а ‘человек, любящий поесть’ [СВГ, 4: 86] – ср.: -мног- [СМ: 211], -еж- [СМ: 118], пуст/о/вар/к/а ‘постный суп, приготовленный из яйца, картофеля, муки и воды (молока) ’ [СВГ, 8: 109] – ср.: 2 -пуст- [СМ: 269], 1 -вар- [СМ: 50], скор/о/бай/к/а ‘человек, который очень быстро говорит’ [СВГ, 10: 28] – ср.: 1 -скор- [СМ: 307], -бай- (ср.: ба[й-а]ть [СВГ, 1: 26]), сух/о/еж/к/а ‘блюдо, приготовленное из толокна и толченых ягод (чаще брусники) с добавлением воды или простокваши’ [СВГ, 10: 160] – ср.: -сух- [СМ: 338], -ед- [СМ: 118], сух/о/мыв/к/а ‘полоскание без предварительной стирки белья, снятого с умершего человека’ [СВГ, 10: 166] – ср.: -сух- [СМ: 338], -мы(в)- [СМ: 220]; част/о/бай/к/а ‘женщина, которая быстро, торопливо говорит’ [СВГ, 12: 20] – ср.: 2 -част- [СМ: 388], -бай- (ср.: ба[й-а]ть [СВГ, 1: 26]), чист/о/хран/к/а ‘опрятная, любящая чистоту женщина’ [СВГ, 12: 48] – ср.: -чист- [СМ: 396], -хран- [СМ: 381]; бог/о/мет/к/а ‘футляр из бересты для лопатки, которой точат косу’ [СВГ, 1: 34] – ср.: -бог- [СМ: 36], -мет- (1 -мет- (метать) или 2 -мет- (метить) [СМ: 207], вод/о/нос/к/а ‘коромысло; ушат’ [СВГ, 1: 76] – ср.: -вод- [СМ: 66], -нос- [СМ: 227]; вод/о/стой/к/а ‘кадка’ [СВГ, 1: 76] – ср.: -вод- [СМ: 66], -стой- [СМ: 327]; дом/о/сед/к/а ‘шаль больших размеров’ [СВГ, 2: 45] – ср.: -дом- [СМ: 108], 1 -сед- [СМ: 299]; дров/о/кол/к/а ‘деревянный молот для вбивания клина или

топора при расколке дров или брёвен' [СВГ, 2: 56] – ср.: -дров- [СМ: 110], 1 -кол- [СМ: 156]; мяс/о/крош/к/а 'доска, на которой рубят мясо' [СВГ, 5: 17] – ср.: 1 -мяс- [СМ: 223], -крош- [СМ: 171]; мяс/о/руб/к/а 'доска, на которой рубят мясо' [СВГ, 5: 17] – ср.: 1 -мяс- [СМ: 223], -руб- [СМ: 286]; нов/о/жен/ец 'мужчина, состоящий в браке первый год; мужчина, женившийся во второй раз' [СВГ, 5: 110]– ср.: -нов- [СМ: 226], -жен- [СМ: 121]; пил/о/став/к/а 'помещение, в котором готовят к работе и хранят инструменты' [СВГ, 7: 59] – ср.: -пил- [СМ: 246], -став- [СМ: 321]; пол/о/мой/к/а 'тряпка для мытья полов' [СВГ, 7: 141] – ср.: 1 -пол- [СМ: 256], -мой- [СМ: 212]; сен/о/вал/к/а 'сарай для хранения сена' [СВГ, 9: 122] – ср.: 1 -сен- [СМ: 301], -вал- [СМ: 48]; сол/о/зоб/к/а 'женщина, который любит соленую пищу' [СВГ, 10: 75] – ср.: 1 -сол- [СМ: 317], -зоб- [СМ: 132]; сор/о/воз/к/а 'телега для перевозки навоза' [СВГ, 10: 82] – ср.: -сор- [СМ: 319], -воз- [СМ: 67]; стад/о/вод/к/а 'вожак' [СВГ, 10: 116] – ср.: -стад- [СМ: 324], -вод- [СМ: 66]; суд/о/мой/к/а 'тряпка для мытья посуды' [СВГ,10: 153] – ср.: 2 -суд- [СМ: 336], -мой- [СМ: 212]; сыр/о/еж/к/а 'кушанье из толченых ягод с молоком и толокном' [СВГ, 10: 178]– ср.: -сыр- [СМ: 339], -ед- [СМ: 118]; тряс/о/гуз/к/а 'двухколесная повозка, одноколка; небольшие легкие сани с плетеным верхом' [СВГ, 11: 72] – ср.: -тряс- [СМ: 361], -гуз- [СМ: 94]; черт/о/гон/к/а 'проклятая женщина' [СВГ, 12: 37] – ср.: 2 -черт- [СМ: 392], -гон- [СМ: 85]; вод/о/пол/иц/а 'половодье' [СВГ, 1: 76] – ср.: -вод- [СМ: 66], 3 -пол-[СМ: 256]; одн/о/зуб/иц/а – ср.: -одн- [СМ: 233], -зуб- [СМ: 33]; толст/о/пряд/иц/а 'толстая домотканая материя из льна' [СВГ, 11: 37] – ср.: -толст- [СМ: 352], 1 -пряд- [СМ: 267]; щелк/о/лоб/иц/а 'щелчок по лбу' [СВГ, 12: 113] – ср.: -щелк- [СМ: 409], -лоб- [СМ: 189]; пуст/о/вар/ниц/а 'постный суп, приготовленный из яйца, картофеля, муки и воды (молока)' – ср.: 2 -пуст- [СМ: 269], 1 -вар- [СМ: 50]; прав/о/руш/ниц/а 'лучшая подруга невесты, сидящая на свадьбе справа от неё' [СВГ, 8: 33] – ср.: -прав- [СМ:], 1 -руш- (ср.: рука [СМ: 287]; рук/о/тёр/ниц/а 'берестяной короб, в который складывали использованные кухонные поло-

полотенца, тряпки для вытирания рук' [СВГ, 9: 71] – ср.: -рук- [СМ: 287], -тер- [СМ: 346]; свек/о/дар/ниц/а 'женская рубашка, которую невеста дарила родственникам жениха' [СВГ, 9: 101]– ср.: -свекр- [СМ: 296], 1 -да(р)- (ср. да/ть [СМ: 95]); стад/о/вод/ниц/а 'вожак' [СВГ, 10: 116] – ср.: -стад- [СМ: 324], -вод- [СМ: 66]; лиц/е/мен/щиц/а лицемерная женщина' [СВГ, 4: 42] – ср.: -лиц- [СМ: 188],1 -мен- [СМ: 203]; мир/о/нос/овиц/а 'большой, шерстяной платок, которым во время свадьбы накрывают лицо невесты' [СВГ, 4: 86] – ср.: 1 -мир- [СМ: 210], -нос- [СМ: 227]; черв/о/точ/ин/а 'червивый гриб' [СВГ, 12: 29] – ср.: -черв- [СМ: 390], 1 -точ- [СМ: 355]; черт/о/лом/ин/а 'бурелом;тяжелая работа. [СВГ, 12: 37] – ср.: 2 -черт- [СМ: 392], -лом- [СМ: 191]; мыш/е/ед/ин/а 'сено, изъеденное мышами' [СВГ, 5: 13]– ср.: -мыш- [СМ: 222], -ед- [СМ: 115]; черн/о/зём/ин/а 'плодородная почва' [СВГ, 12: 34] – ср.: -черн- [СМ: 391], -зем- [СМ: 129]; сух/о/-душ/ин/а 'сухой, черствый человек' [СВГ, 10: 165] – ср.: -сух- [СМ: 338], 1 -душ- [СМ: 113]; толст/о/мош/ин/а 'кочка, поросшая мхом' [СВГ, 11: 37] – ср.: -толст- [СМ: 352], 1 -мош- [СМ: 217]; сво/е/-дель/щин/а 'вещь, сделанная собственными руками' [СВГ, 9: 70] – ср.: -сво- [СМ: 298], -дель- [СМ: 102]; туг/о/до/их/а 'корова, доение которой требует больших усилий' [СВГ, 11: 74] – ср.: -туг- [СМ: 361], -до- [СМ: 106]; сыр/о/вар/н/я 'пункт приема молока' [СВГ, 10: 178] – ср.: -сыр- [СМ: 339], -вар- [СМ: 50]; пуст/о/выт/ок 'давно не паханная земля; пропущенное место в поле или пахоте, посеве, уборке' [СВГ, 8: 109] – ср.: 1 -пуст- [СМ: 269], -выт- (ср.: 1 выть 'время приёма пищи; еда, пища' и 2 выть 'сила, крепость' [СВГ, 1: 101]; сем/и/дв/ух/а 'семидесятидвухпроцентная пшеничная мука' [СВГ, 9: 119] – ср.: 1 -сем- [СМ: 301], -дв- [СМ: 98]; дв/у/лет/ок 'животное второго года жизни' [СВГ, 2: 14] – ср.: -дв- [СМ: 98], 1 -лет- [СМ: 185]; одн/о/нит/ок – ср.: -одн- [СМ: 233], -нит- [СМ: 226]; одн/о/пол/ок 'изба из чёрного пола' [СВГ, 6: 34]– ср.: -одн- [СМ: 233], 1 -пол- [СМ: 256]; перв/о/тёл/ок 'первый теленок у коровы' [СВГ, 7: 27]– ср.: -перв- [СМ: 243], -тёл- [СМ: 345]; туп/о/ум/ок 'плохо соображающий человек' [СВГ, 11: 78] – ср.:

-туп- [СМ: 362], -ум- [СМ: 368]; одн/о/зуб/ец ‘холст из грубой пряжи, сотканный в одну нить; сарафан из грубого холста’ [СВГ, 6: 33] – ср.: -одн- [СМ: 233], -зуб- [СМ: 133]; перв/о/тал/ец ‘первый снег [СВГ, 7: 27] – ср.: -перв- [СМ: 243], -тал- [СМ: 341]; черн/о/твор/ец ‘преступник’ [СВГ, 12: 34] – ср.: -черн- [СМ: 391], 1 -твор- [СМ: 344]; шест/и/год/ик ‘шестилетний ребенок’ [СВГ, 12: 86]– ср.: -шест- [СМ: 402], -год- [СМ: 83]; хлеб/о/лушн/ик ‘помещение, где хранят муку и зерно’ [СВГ, 11: 116]– ср.: -хлеб- [СМ: 376], -лушн- (ср. лущ- [СМ: 194]; мног/о/лист/ник ‘растение тысячелистник’ [СВГ, 4: 86]– ср.: -мног- [СМ: 211], -лист- [СМ: 188]; одн/о/год/ник ‘ровесник. [СВГ, 6: 33]– ср.: -одн- [СМ: 233], -год- [СМ: 83]; одн/о/кобыль/ник ‘крестьянин, имеющий в единоличном хозяйстве одну лошадь’ [СВГ, 6: 33] – ср.: -одн- [СМ: 233], -кобыль- [СМ: 154]; одн/о/коров/ник ‘крестьянин, в единоличном хозяйстве которого была одна корова’ [СВГ, 6: 33] – ср.: -одн- [СМ: 233], -коров- [СМ: 163]; сыр/о/маз/ник ‘лепешка из кислого теста, смазанная сметаной’ [СВГ, 10: 178]– ср.: -сыр- [СМ: 339], -маз- [СМ: 197]; ‘хлеб/о/рез/ник ‘нож для резки хлеба’ [СВГ, 11: 116]– ср.: 1 -хлеб- [СМ: 376], -рез- [СМ: 279]; хлеб/о/руш/ник ‘нож для резки хлеба [СВГ, 11: 116] – ср.: 1 -хлеб- [СМ: 376], 2 -руш- [СМ: 289]; вод/о/поль/[й/э] ‘половодье; заливной луг. ’ [СВГ, 1: 76] – ср.: -вод- [СМ: 66], 3 -поль- [СМ: 256]; мал/о/рось[/й/э] ‘маленькие дети’ [СВГ, 4: 70] – ср.: 1 -мал- [СМ: 198], 1 -рось- [СМ: 285]; сух/о/ветр/[ий/э] ‘отсутствие росы по утрам при хорошей погоде’ [СВГ, 10: 165]– ср.: -сух- [СМ: 338], -ветр- [СМ: 59]; черн/о/лесь/[й/э] ‘хвойный лес’ [СВГ, 12: 34]– ср.: -черн- [СМ: 391], 1-лес [СМ: 184]; одн/о/личь[/й/э] ‘единоличное хозяйство’ [СВГ, 6: 34] – ср.: -одн- [СМ: 233], -лич- [СМ: 188]; одн/о/правь[/й/э] ‘равноправие’ [СВГ, 6: 34]– ср.: -одн- [СМ: 233], -прав- [СМ: 262]; трях/о/мудь[/й/э] ‘старые, ненужные вещи’ [СВГ, 11: 73] – ср.: -трях- [СМ: 361], -муд- (ср.: мудить ‘медлить’ [КСВГ]); чел/о/-би/ть[й/э] [СВГ, 12: 26] – ср.: -чел- [СМ: 389], -би- [СМ: 31]; рук/о/-дей/ств/о ‘рукоделие’ [СВГ, 9: 70] – ср.: -рук- [СМ: 287], -дей- [СМ: 100]; черн/о/зём/к/и ‘плодородная почва’ [СВГ, 12: 34] – ср.: -

[СМ: 391], -зём- [СМ: 129].

3) RiRSS: суд/о/мой/эч/к/а ‘тряпка для мытья посуды’ [СВГ,10: 153] – ср.: 2 -суд- [СМ: 336], -мой- [СМ: 212].

Ср. также: перв/о/тёл/оч/к/а ‘первый теленок у коровы’ [СВГ, 7: 27] – ср.: -перв- [СМ: 243], -тёл- [СМ: 345], дв/у/лет/оч/ек – ср.: -дв- [СМ: 98], 1 -лет- [СМ: 185]; перв/о/тёл/оч/ек ‘первый теленок у коровы’ [СВГ, 7: 27] – ср.: -перв- [СМ: 243], -тёл- [СМ: 345]; рук/о/тёр/нич/ек ‘тряпка из грубого холста для вытирания рук; др.’ [СВГ, 9: 71] – ср.: -рук- [СМ: 287], -тёр- [СМ: 346]; рук/о/тель/-нич/ек – ср.: -рук- [СМ: 287], 1 -тель- [СМ: 345]; одн/о/ряд/н/ик [СВГ, 6: 34] – ср.: -одн- [СМ: 233], -ряд- [СМ:]; ст/о/год/ов/ок ‘очень старый человек’ [СВГ, 10: 129] – ср.: -ст- [СМ:], -год- [СМ: 83]; хлеб/о/нос/н/ик ‘большая заплечная корзина с крышкой для переноски хлеба’ [СВГ, 11: 116]– ср.: 1 -хлеб- [СМ:376], -нос- [СМ: 227]; люб/о/пыт/н/иц/а ‘любопытная женщина’ [СВГ, 4: 60] – ср.: -люб- [СМ:], -пыт- [СМ: 272]; скор/о/спе/л/к/а ‘девушка, женщина, рано созревшая для половой жизни; любительская фотография’ [СВГ, 10: 29]– ср.: 1 -скор- [СМ: 307], -спе- [СМ: 320]; гол/о/-дыр/оч/к/а ‘платье без рукавов’ [СВГ, 1: 119] – ср.: -гол- [СМ: 233], -дыр- [СМ: 114]; одн/о/кол/яс/к/а ‘двухколёсная тележка с деревянными решётками спереди и сзади для перевозки сена и снопов’ [СВГ, 6: 33] – ср.: -одн- [СМ: 233], 2 -кол- [СМ: 157]; хлеб/о/пек/ар/к/а ‘женщина, занимающаяся выпечкой хлеба’ [СВГ, 11: 116] – ср.: 1 -хлеб- [СМ: 376], -пек- [СМ: 242]; прост/о/рук/ав/к/а ‘женская кофта, блузка без оборок, складок на рукавах’ [СВГ, 8: 96] – ср.: -прост- [СМ: 265], -рук- [СМ: 287]; одн/о/кон/ч/анин ‘сосед [СВГ, 6: 33] – ср.: -одн- [СМ: 233], 1 -кон- [СМ: трях/о/мудь[/й/э] ‘старые, ненужные вещи’ [СВГ, 11: 73] – ср.: -трях- [СМ: 361], -муд- (ср.: мудить ‘медлить’ [КСВГ]); чел/о/-би/ть[й/э] [СВГ, 12: 26] – ср.: -чел- [СМ: 389], -би- [СМ: 31]; рук/о/-дей/ств/о ‘рукоделие’ [СВГ, 9: 70] – ср.: -рук- [СМ: 287], -дей- [СМ: 100]; черн/о/зём/к/и ‘плодородная почва’ [СВГ, 12: 34] – ср.: -черн- 159]; рук/о/пис/а/ни[й/э] ‘полоска бумаги с текстом молитвы,

вкладываемая в руки покойника' [СВГ, 9: 71] – ср.: -рук- [СМ:287], -пис- [СМ: 247]; одн/о/лич/н/ик 'единоличник' [СВГ, 6: 34] – ср.: -одн- [СМ: 233], -лич- [СМ: 188].

4) RiRSSS: прост/о/рук/ав/оч/к/а 'женская кофта, блузка без оборок, складок на рукавах' [СВГ, 8: 96] – ср.: -прост- [СМ: 265], -рук- [СМ: 287], ср.: рукав, просторукавка.

5) RSiR: ред/к/о/бай 'человек, который говорит медленно, неторопливо; др.' [СВГ, 9: 47] – ср.: -ред- [СМ: 106], -бай- (ср.: ба[й-а]ть [СВГ, 1: 26]).

Ср. также: свет/л/о/лист 'берёза, ветви которой используются для изготовления веников для бани' [СВГ, 9: 104] – ср.: -свет- [СМ: 296], -лист- [СМ:188], тём/н/о/груда 'замкнутый, нелюдимый человек' [СВГ, 11: 14] – ср.: 2 -тем- [СМ: 345], 1 -груд- [СМ: 92], слад/к/о/медь 'человек, который очень любит сладкое' [СВГ, 10: 45] – ср.: -слад- [СМ: 310], 2 -мед- [СМ: 202].

6) RSiRS: боль/ш/е/водь[/й/э] 'половодье' [СВГ, 1: 37] – ср.: 2 -бол- [СМ: 37], 2 -вод- [СМ: 66].

Ср. также: ред/к/о/бай/к/а 'женщина, которая говорит медленно неторопливо; др.' [СВГ, 9: 47] – ср.: -ред- [СМ: 278], -бай- (ср.: ба[й-а]ть [СВГ, 1: 26]), дв/ой/э/руч/к/а 'корзина с двумя ручками' [СВГ, 2: 10] – ср.: -дв- [СМ: 98], -руч- [СМ: 287], дв/ой/э/шип/ок 'шуба' [СВГ, 2: 10]– ср.: -дв- [СМ: 98], 2 -шип- [СМ: 404], тр/ой/э/-жит/к/а 'мука, изготовленная из смеси трех злаков – ржи, овса, ячменя, реже пшеницы' [СВГ, 11: 61] – ср.: 1 -тр- [СМ: 356], -жит- [СМ: 125], тр/ой/э/цвет/к/а 'растение фиалка полевая' [СВГ, 11: 62] – ср.: 1 -тр- [СМ: 356], -цвет- [СМ: 384], тр/ой/э/шов/к/а 'женское пальто с вытачками по линии талии, которое обычно шили девушкам, готовящимся выйти замуж' [СВГ, 11: 62]– ср.: -1 -тр- [СМ: 356], -шов- [СМ: 406], раз/н/о/клин/к/а 'юбка, сшитая из клиньев разного цвета' [СВГ, 9: 21]– ср.: 2 -раз- [СМ: 276], 1 -клин- [СМ: 152], ред/к/о/бай/к/а 'женщина, которая говорит медленно, неторопливо; др.' [СВГ, 9: 47] – тр/ой/э/жит/ок 'мука, изготовленная из смеси трех злаков – ржи, овса, ячменя, реже пшеницы' [СВГ, 11: 61] – ср.: 1 -тр- [СМ: 356], -жит- [СМ: 125], -тр-

[СМ: 356], -жит- [СМ: 125], тр/ой/э/клин/ок ‘шуба из овчины, покрытой сверху тканью’ [СВГ, 11: 61] – ср.: -1 -тр- [СМ: 356], -клин- [СМ: 152], тр/ой/э/шов/ок ‘женское пальто с вытачками по линии талии, которое обычно шили девушкам, готовящимся выйти замуж’ [СВГ, 11: 62] – ср.: 1 -тр- [СМ: 356], -шов- [СМ: 406], тон/к/о/лесь[/й/э] ‘лес, состоящий из тонких высоких деревьев’ [СВГ, 11: 39] – ср.: -тон- [СМ:], -лес- [СМ: 184], слад/к/о/ед/к/а ‘девочка, женщина, которая очень любит сладкое’ [СВГ, 10: 45] – ср.: -слад- [СМ: 310], -ед- [СМ: 115], тр/ой/э/крас/ник ‘трехцветное домотканое полотно; сарафан из домотканого трехцветного полотна’ [СВГ, 11: 61] – ср.: 1 -тр- [СМ: 356], 1 -крас- [СМ: [СМ: 167].

7) RSiRSS: дв/ой/э/жит/н/ик ‘пирог из смеси ячменной муки с какой-либо другой (пшеничной, овсяной или гороховой)’ [СВГ, 2: 9] – ср.: -дв- [СМ: 98], -жит- [СМ: 125].

Ср. также: шир/ок/о/лист/н/ик ‘клен’ [СВГ, 12: 92] – ср.: 1 -шир- [СМ: 404], -лист- [СМ: 188], тр/ой/э/жит/н/ик ‘выпечное изделие из муки, приготовленной из смеси трех злаков – ржи, овса, ячменя, реже пшеницы’ [СВГ, 11: 61] ср.: 1 -тр- [СМ: 356], -жит- [СМ: 125].

8) RSiRSSS: дв/ой/э/кол/еч/н/ик ‘корзина с двумя ручками’ [СВГ, 2: 9] – ср.: -дв- [СМ: 98], 2 -кол- [СМ: 157], ср.: кольцо, двоеколечный;

9) RiPrRS: сух/о/под/сто/ин/а ‘засохшее на корню дерево’ [СВГ, 10: 166] – ср.: -сух- [СМ: 337], -сто- [СМ: 327], свеж/е/вы/руб/к/а ‘место, где недавно вырублен лес’ [СВГ, 9: 101] – ср.: -свеж- [СМ: 296], -руб- [СМ: 286].

10) PrRiRS: с/лом/о/головь[/й/э] ‘беспокойная мысль о чем-либо забота’ [СВГ, 10: 52] – ср.: -лом- [СМ: 191], -головь- [СМ: 84].

11) RiPrRSS: тверд/о/за/да/нн/ик ‘крестьянин-единоличник, обязанный выполнять «твердое задание»’ [СВГ, 11: 14] – ср.: -тверд- [СМ: 344], 1 -да- [СМ: 95].

Как мы можем убедиться, большинство сложных основ диалект диалектных имен существительных, как и в литературном языке, имеет трёхморфемные (RiR), четырёхморфемные (RiRS

или пятиморфемные (RiRSS) основы. Наиболее проблематичным оказывается отождествление суффиксальных сегментов, примыкающих к корню-первоэлементу сложной основы. Это связано с общими закономерностями строения основы русского слова (большим ослаблением функции и затемнением семантики в зоне посткорневого морфемного шва), а также со спецификой структуры сложных основ (большей семантической ясностью конечного корня сложной основы и примыкающих к нему аффиксов). При отождествлении морфем в структуре диалектных имен существительных обнаружились диалектные морфы водопусок, круговеня, толстобрилик, малоестка, редкобай, дировязка, пустовыток, хлеболушник, праворушница, свекодарница и др. Некоторые из них нашли свое отождествление с общерусскими морфемами, известными литературному языку (ср.: пускать, есть, дыра, лущить, рука, свекровь). Другие будут рассмотрены далее в составе диалектных корневых гнезд с локально ограниченными верши нами

Морфемная структура имен прилагательных в русском языке, по наблюдениям исследователей [РГ; СМ; Смирнова, 2006] преимущественно включает в себя от двух до четырёх морфем. Основы сложных прилагательных в вологодских говорах могут быть определены в девять структурных типов. Ниже перечислены сложные прилагательные каждого из этих типов в сочетании с комментариями спорных случаев членения основ.

1. RiR: сух/о/лист/ый ‘растущий на сухом месте рядом с болоболотом (на болоте)’ [СВГ, 10: 165] – ср.: -сух- [СМ: 338], -лист- [СМ: 188].

Ср. также: сух/о/рук/ий ‘неумелый, неловкий’ [СВГ, 10: 167] - ср.: -сух- [СМ: 338], -рук- [СМ: 287]; тепл/о/ух/ий ‘слабоумный’ [СВГ, 11: 18] – ср.: -тепл- [СМ: 346], 1 -ух- [СМ: 369]; толст/о/морд/ый ‘круглолицый’ [СВГ, 11: 37] – ср.: -толст- [СМ: 352], 1 -морд- [СМ: 215]; толст/о/пят/ый ‘громко топающий при ходьбе’ [СВГ, 11: 37] – ср.: -толст- [СМ: 352], 2 -пят- [СМ: 273]; толст/о/рож/ий ‘круглолицый’ [СВГ, 11: 37] – ср.: -толст- [СМ: 352], 1 -рож- [СМ: 284]; толст/о/хар/ий ‘круглолицый’ [СВГ, 11: 37] – ср.: - толст- [СМ: 352], -хар-

[СМ: 373]; туг/о/тел/ая ‘требующая больших усилий при доении’ [СВГ, 11: 74]; – ср.: -туг- [СМ: 361], 1 -тел- [СМ: 345]; гол/о/голов/ый ‘без головного убора, с непокрытой головой’ [СВГ, 1: 119] – ср.: -гол- [СМ: 84], -голов- [СМ: 84]; долг/о/век/ий ‘отличающийся долголетием’ [СВГ, 2 : 39] – ср.: 1 -долг- [СМ: 107], 1 -век- [СМ: 53]; долг/о/ляг/ий ‘имеющий большую длину, длинный; длинноногий’ [СВГ, 2 : 39] – ср.: -долг- [СМ: 107], -ляг- [СМ: 196]; кур/о/слеп/ый ‘близорукий’ [СВГ, 4 : 23] – ср.: 2 -кур- [СМ: 177], -слеп- [СМ: 311]; мил/о/тел/ый ‘хорошего телосложения’ [СВГ, 4 : 85] – ср.: -мил- [СМ: 209], -тел- [СМ: 345]; кур/о/нос/ый ‘курносый’ [СВГ, 4 : 23] – ср.: 2 -кур- [СМ: 177], -нос- [СМ: 277]; вид/о/-глаз/ый ‘имеющий хорошее зрение’ [СВГ, 1 : 71] – ср.: -вид- [СМ: 61], -глаз- [СМ: 79]; хап/о/рук/ий ‘человек, берущий без разрешения чужие вещи’ [СВГ, 11: 116] – ср.: -хап- [СМ: 373], -рук- [СМ: 287]; худ/о/горл/ый ‘имеющий слабое, восприимчивое к инфекции горло’ [СВГ, 11: 116] – ср.: -худ- [СМ: 382], -горл- [СМ: 87]; черн/о/троп/ый ‘неаккуратный’ [СВГ, 12: 34] – ср.: -черн- [СМ: 391], -троп- [СМ: 359]; чист/о/брюх/ий ‘разборчивый в еде’ [СВГ, 12: 47] – ср.: -чист- [СМ: 396], -брюх- [СМ: 43]; чист/о/ус/ый ‘опрятный, чистоплотный’ [СВГ, 12: 48] – ср.: -чист- [СМ: 396], -ус- [СМ: 368]; шар/о/глаз/ый ‘с глазами навыкате, пучеглазый’ [СВГ, 12: 75] – ср.: 1 -шар- [СМ: 400], -глаз- [СМ: 79]; пах/о/рук/ий ‘больной, слабый, дефектный (о руке); др.’ [СВГ, 7: 19] – ср.: 1-пах- [СМ: 240], -рук- [СМ: 287]; рач/е/глаз/ый ‘имеющий большие, широко открытые глаза; внимательный’ [СВГ, 9: 45] – ср.: 1 -рач- [СМ: 277], -глаз- [СМ: 79]; туп/о/леп/ый ‘не имеющий острого угла на носу (о лодке)’ [СВГ, 11: 78] – ср.: -туп- [СМ: 362], -леп- [СМ: 184]; рут/о/жёлт/ый ‘оранжевый’ [СВГ, 9: 73]– ср.: -жёлт- [СМ: 121], рут- (ср. бел/о/руд/ый [СВГ, 1: 28]); бел/о/руд/ый ‘белолицый’ [СВГ, 1: 28] – ср.: -бел- [СМ: 30], -руд- [Д., III: 535]; плиск/о/нос/ый ‘с приплюснутым носом (о человеке)’ [СВГ, 7: 69] – ср.: -нос-[СМ: 227], возм.: -плоск- [СМ: 253], ср. также: плишка ‘тонкий, небольшой в поперечнике, неспелый стручок . гороха’ [СВГ, 7: 70]

2. RRS: скрозь/земель/н/ый ‘знающий, опытный’ [СВГ, 10: 33] -скрозь- [СМ: 306], -земель- [СМ: 129].

3. RiRS: одн/о/вешн/еньк/ий ‘одинокий’ [СВГ, 6: 31] – ср.: -одн- [СМ: 233], -вешн- [СМ: 60].

Ср. также: бед/о/лаж/н/ый ‘несчастный’ [СВГ, 1: 27] – ср.: -бед- [СМ: 29], -лаж- (ср.: -лаг- [СМ: 179]); тих/о/мир/н/ый ‘медлительный’ [СВГ, 11: 25] – ср.: -тих- [СМ: 350], 1 -мир- [СМ: 210]; бог/о/да/нн/ый ‘приобретённый в результате замужества или женитьбы’ [СВГ, 1: 34] – ср.: -бог- [СМ: 36], 1 -да- [СМ: 95]; черв/о/точ/ен/ый ‘червивый гриб’ [СВГ, 12: 28] – ср.: -черв- [СМ: 390], 1 -точ- [СМ: 355]; черн/о/плот/н/ый ‘смуглый’ [СВГ, 12: 34] – ср.: -чёрн- [СМ: 391], 2 -плот- [СМ: 253]; рук/о/маш/н/ый ‘способ охоты на белку, при котором в неё бросают палку’ [СВГ, 9: 71] – ср.: -рук- [СМ: 287], -маш- [СМ: 201]; сыр/о/моль/н/ый ‘влажный’ [СВГ, 10: 178]– ср.: -сыр- [СМ: 339], 1 -моль- [СМ: 213]; мот/о/душ/н/ый ‘нечестный’ [СВГ, 5: 7] – ср.: -мот- [СМ: 216], 1 -душ- [СМ: 113]; т/о/дель/н/ый ‘умелый, искусный; др.’ [СВГ, 11: 29] – ср.: -т- [СМ: 340], -дель- [СМ: 102]; бог/о/рад/н/ый ‘немощный’ [СВГ, 1: 34] – ср.: -бог- [СМ: 36], 2 -рад- [СМ: 275]; страх/о/люд/н/ый ‘некрасивый’ [СВГ, 10: 138] – ср.: -страх- [СМ: 330], -люд- [СМ: 196]; прав/о/душ/н/ый ‘правдивый, честный; склонный ко лжи, обману’ [СВГ, 8: 32] – ср.: -прав- [СМ: 262], 1 -душ- [СМ: 113]; прост/о/ден/н/ый ‘повседневный’ [СВГ, 8: 95] – ср.: -прост- [СМ: 265], 1 -душ- [СМ: 113]; век/о/веч/н/ый ‘существующий длительное время,издавна’ [СВГ, 1: 60] – ср.: 1 -век- [СМ: 53], 1 -веч- [СМ: 59]; мал/о/выт/н/ый ‘отличающийся плохим аппетитом (о человеке)’ [СВГ, 4: 69] – ср.: 1 -мал- [СМ: 198], -выт- (ср.: 1 и 2 выть [СВГ, 1: 74]; свой/э/дель/н/ый ‘самодельный’ [СВГ, 9: 106] – ср.: -свой- [СМ: 298], -дель- [СМ: 102]; одн/о/лич/н/ый ‘принадлежащий единоличнику’ [СВГ, 6: 34] – ср.: -одн- [СМ: 233], -лич- [СМ: 189]; одн/о/слов/н/ый ‘имеющий повторяющиеся слова’ [СВГ, 6: 35] – ср.: -одн- [СМ: 233], 1 -слов- [СМ: 312]; перв/о/год/н/ая состоящая в замужестве первый год’ [СВГ, 7: 26] – ср.: -перв- [СМ: 243], -год- [СМ: 83];

дв/е/ряд/н/ый ‘сотканный, сделанный из двух нитей, свитых в одну’ [СВГ, 2: 9] – ср.: -дв- [СМ: 98], -ряд- [СМ: 231]; дв/у/руч/н/ый ‘очень тонкий, такой, который можно удержать только двумя руками (о куске хлеба, пирога)’ [СВГ, 2: 14] – ср.: -дв- [СМ: 98], 1-руч- [СМ: 288]; мног/о/дель/н/ый ‘трудоёмкий’ [СВГ, 4: 86] – ср.: -мног- [СМ: 211], -дель- [СМ: 102]; пуст/о/мой-/н/ый ‘выстиранный без предварительного замачивания (о белье); застиранный, неопределенного цвета’ [СВГ, 8: 110] – ср.: 2 -пуст- [СМ: 269], -мой- [СМ: 221]; сух/о/мой/н/ый ‘выстиранный без замачивания и кипячения; жесткий на ощупь’ [СВГ, 10: 166] – ср.: -сух- [СМ: 338], -мой- [СМ: 212]; мал/о/мож/н/ый ‘капризный’ [СВГ, 4: 68] – ср.: 1 -мал- [СМ: 198], -мож- [СМ: 212]; цел/е/-мож/н/ый ‘целый; др.’ [СВГ, 12: 8] – ср.: 2 -цел- [СМ: 384], -мож- [СМ: 212]; худ/о/ум/н/ый ‘совершающий безрассудные поступки’ [СВГ, 11: 116] – ср.: -худ- [СМ: 382], -ум- [СМ: 368]; чист/о/хвост/н/ый ‘брезгливый’ [СВГ, 12: 49] – ср.: -чист- [СМ: 396], -хвост- [СМ: 375]; прям/о/ши/л/ый ‘прямой, без изгибов’ [СВГ, 8: 105] – ср.: -прям- [СМ:], -ши- [СМ:]; сем/и/шёлк/ов/ый ‘очень красивый, нарядный платок’ [СВГ, 9: 120] – ср.: 1 -сем- [СМ: 301], -шёлк- [СМ: 401]; стар/о/коров/ат/ый ‘старообразный’ [СВГ, 10: 122] – ср.: -стар- [СМ:], -коров- [СМ:]; туг/о/дой/к/ая ‘требующая больших усилий при доении’ [СВГ, 11: 74]– ср.: -туг- [СМ: 361], -дой- [СМ: 106]; свой/э/буш/н/ый ‘своенравный’ [СВГ, 9: 109] – ср.: -свой- [СМ: 298], -буш- (ср.: буш/ева/ть); дв/ух/мен/н/ый ‘двуличный’ [СВГ, 2: 14] – ср.: -дв- [СМ: 98], 1 -мен- [СМ: 203]; скор/о/пись/ят/ый ‘рукописный, непечатный’ [СВГ, 10: 29] – ср.: 1-скор- [СМ: 307], -пись- [СМ: 247].

4. RSiR: дв/ой/э/желт/ый ‘имеющий два желтка (о яйце) ’ [СВГ, 2: 9] – ср.: -дв- [СМ: 98], -желт- [СМ: 121].

Ср. также: тем/н/о/груд/ый ‘замкнутый, нелюдимый; самостоятельный’ [СВГ, 11: 14] – ср.: 2 -тем- [СМ: 345], 1 -груд- [СМ: 92]; тем/н/о/кров/ый ‘полный злобы, злости, злой’ [СВГ, 11: 14] – ср.: -тём- [СМ: 345], 1 -кров- [СМ: 170]; крас/н/о/рож/ий ‘румяный’ [СВГ, 3: 120] – ср.: 1 -крас- [СМ: 167], 1 -рож-

[СМ: 284]; круп/н/о/волот/ый ‘имеющий толстый стебель (о травянистом растении) ’ [СВГ, 4: 6] мел/к/о/волот/ый ‘с тонким низким стеблем, хилый (о льне)’ [СВГ, 4: 80] – ср.: -круп- [СМ: 172], -мел(к)- [СМ: 203], -волот- (ср.: волоть ‘ботка картофеля’[СВГ, 1: 80]; позд/н/о/гул/ый ‘гуляющий до позднего времени’ [СВГ, 7: 124] – ср.: -позд- [СМ:], 1 -гул- [СМ: 94]; дв/ой/э/ног/ий ‘двуногий’ [СВГ, 2: 10] – ср.: -дв- [СМ: 98], -ног- [СМ: 227]; тр/ой-/э/сук/ий ‘имеющий три зуба (о вилах)’ [СВГ, 11: 62]– ср.: -тр- [СМ: 356], 1 -сук- [СМ: 336].

5.RiRSS: одн/о/нит/оч/н/ый ‘сотканный из грубой пряжи в одну нить’ [СВГ, 6: 33] – ср.: -одн- [СМ: 233], -зуб- [СМ: 133].

Ср. также: пуст/о/сме/ш/н/ый ‘легкомысленный’ [СВГ, 8: 110]– ср.: 2 -пуст- [СМ: 269], 1 -сме- [СМ: 314]; одн/о/зуб/еч/н/ый ‘сотканный из грубой пряжи в одну нить’ [СВГ, 6: 33] – ср.: -одн- [СМ: 233], -зуб- [СМ: 133]; одн/о/сторон/оч/н/ый ‘имеющий лицевую сторону и изнанку’ [СВГ, 6: 35] – ср.: -одн- [СМ: 233], -сторон- [СМ: 329]; одн/о/сторон/к/ов/ый ‘имеющий лицевую сторону и изнанку’ [СВГ, 6: 35] – ср.: -одн- [СМ: 233], -сторон- [СМ:]; сем/и/бат/еч/н/ый ‘незаконнорожденный’ [СВГ, 9: 119] – ср.: 1 -сем- [СМ: 301], -бат- [СМ: 28]; дв/ух/жёлт/ыш/н/ый ‘имеющий два желтка (о яйце)’ [СВГ, 2: 9] – ср.: -дв- [СМ: 98], -жёлт- [СМ: 121]. Возможно, дв/у/пол/овин/чат/ый ‘имеющий две жилые комнаты (о доме)’ [СВГ, 2: 14] – ср.: -дв- [СМ: 98], -пол- // -полу-, ср.: половина, половинка. вод/о/пе/л/ый ‘водяни стый’ [СВГ, 1: 76] – ср.: -вод- [СМ: 66].

6.RSiRS: выс/ок/о/род/н/ый ‘гордый, высокомерный’ [СВГ, 1: 99] – ср.: -высок- [СМ: 74], -род- [СМ: 283].

Ср. также: глад/к/о/слов/н/ый ‘доброжелательный’ [СВГ, 1: 111] – ср.: 1 -глад- [СМ: 79], 1 -слов- [СМ: 312]; серед/н/о/крест/н/ый ‘неделя, предшествующая празднику Крещения’ [СВГ, 9: 124] – ср.: -серед- [СМ: 302], -крест- [СМ: 169]; дв/ой/э/руч/н/ый ‘с двумя ручками’ [СВГ, 2: 10] – ср.: -дв- [СМ:], 1 -руч- [СМ: 288]; выс/ок/о/-нос/н/ый ‘гордый, высокомерный’ [СВГ, 1: 99] – ср.: -высок- [СМ: 74], -нос- [СМ: 227];дв/ой/э/жи/л/ый ‘имеющий два жилых помещения, примыкающих друг к другу или расположенных одно за другим (о

доме, избе)' [СВГ, 2: 9] – ср.: -дв- [СМ: 98], -жи- [СМ: 122]; шир/ок/о/лист/ов/ый 'широколиственный' [СВГ, 12: 92] – ср.: 1 -шир- [СМ: 404], -лист- [СМ: 188]; уз/к/о/рыл/еньк/ий 'имеющий узкое лицо' [СВГ, 11: 116] – ср.: 2 -уз- [СМ: 367], -рыл- [СМ:];

7. RiPrRS: слов/о/о/хот/н/ый 'разговорчивый' [СВГ, 10: 51] – ср.: 1 -слов- [СМ: 312], -хот- [СМ: 381].

Ср. также: стар/о/об/ряд/н/ый 'придерживающийся старых обычаев' [СВГ, 10: 122] – ср.: -стар- [СМ: 324], -ряд- [СМ: 291]; тр/и/с/мен/н/ый 'имеющийся в наличии на три смены (о занавесках)' [СВГ, 11: 61] – ср.: -тр- [СМ: 356], 1 -мен- [СМ: 203].

8. PrRSiRS: без/доб/р/о/хот/н/ый 'одинокий, не имеющий семьи, родственников, близких' [СВГ, 1: 27] – ср.: -доб- [СМ: 106], -хот- [СМ:].

9.RSiRSS: дв/ой/э/кол/еч/н/ый 'с двумя ручками' [СВГ, 2: 9] – ср.: -дв- [СМ: 98], 2 -кол- [СМ: 157].

Таким образом, основы сложных прилагательных имеют преи-преимущественно три (RiR) или четыре (RiRS) морфемы. Отождествление морфов этих основ выявило ряд элементов, не соотносительных с морфемами современного русского литературного языка: рутожёлтый, белорудый, плисконосый, бедолажный, маловытный и др.

Структурные типы основ диалектных глаголов в вологодских говорах ранее рассматривались в работах Е. Н. Шабровой [Шаброва, 1997; 2003], а на материале сложных слов – Е. Г. Селяниной [Селянина, 2002]. Наблюдения данного исследования во многом соотносятся с выводами этих работ. Сложные основы глаголов могут быть распределены в шесть структурных типов. Внутри этих типов могут быть выделены как производные слова, так и слова, не обнаруживающие в вологодских говорах формальных или семантических признаков производности

1. RiRS: сен/о/кос/и/ть 'убирать сено' [СВГ, 9: 123] – ср.: 1 -сен- [СМ: 301], 3 -кос- [СМ: 164].

Ср. также: рук/о/дел/и/ть 'заниматься рукоделием' [СВГ, 9: 70] [СВГ, 9: 70] – ср.: -рук- [СМ: 287], -дел- [СМ: 102 - 103]; дв/е/ряд/и/ть 'свивая, соединять две нитки или две полоски ткани в одну' [СВГ, 2: 9] – ср.: -дв- [СМ: 98], -ряд- [СМ: 291]; кут/е/верт/и/ть 'вьюжить'

[СВГ, 4: 24] – ср.: -кут- (кутить ‘крутить’ [СВГ, 4: 61], -верт- [СМ: 55]; т/о/дел/и/ть ‘делать при помощи каких-либо инструментов, приспособлений, изготовлять’ [СВГ, 11: 28] – ср.: -т- [СМ: 340], -дел- [СМ: 102]; ух/о/верт/и/ть ‘1. Лишиться чего-либо по небрежности. 2. Спрятать, положив на ненужное место 3. Вывести из строя, испортить’ [СВГ, 11: 116]. – ср.: 1 -ух- [СМ: 369], -верт- [СМ: 55]; христ/о/слав/и/ть ‘поздравлять с праздником Пасхи’ [СВГ, 11: 116] – ср.: -христ- (Христос, христиане и др.), 1 -слав- [СМ: 310]; благ/о/твор/е/ть ‘оказывать помощь неимущему, делать добро’ [СВГ, 1: 32] – ср.: -благ- [СМ: 33], 1 -твор- [СМ: 344]; черт/о/лом/и/ть ‘много и тяжело работать’ [СВГ, 12: 37] – ср.: 2 -черт- [СМ: 392], -лом- [СМ: 191].

2. PrRiRS: вы/сен/о/кос/и/ть ‘завершить сенокос’ [СВГ, 1: 99] – ср.: -сен- [СМ: 301], -кос- [СМ: 164].

Ср. также: на/рыб/о/лов/и/ть ‘порыбачить вдоволь’ [СВГ, 5: 67] – ср.: -рыб- [СМ: 290], -лов- [СМ: 189]; по/сен/о/кос/и/ть ‘покосить’ [СВГ, 8: 4] – ср.: -сен- [СМ: 301], -кос- [СМ: 164]; с/дв/е/ряд/и/ть ‘с помощью веретена соединить, скрутить две нити в одну’ [СВГ, 9: 111] – ср.: -дв- [СМ: 98], -ряд- [СМ:]; с/кос/о/бен/и/ть ‘искривить’ [СВГ, 10: 30] – ср.: -кос- [СМ:], -бен- [СМ:]; с/кул/е/мес/и/ть ‘перепутать, спутать’ [СВГ, 10: 37] – ср.: -кул- [СМ: 175], 1 -мес- [СМ: 206]; с/ух/о/верт/и/ть ‘нарушить обычное расположение чего-либо; спутать’ [СВГ, 10: 37] – ср.: 1 -ух- [СМ: 369], -верт- [СМ: 55].

3. PrRiRSPt: на/рыб/о/лов/и/ть/ся ‘порыбачить вдоволь’ [СВГ, 5: 67] – ср.: -рыб- [СМ: 290], -лов- [СМ: 189].

Ср. также: по/яр/о/плещ/и/ть/ся ‘поспорить’ [СВГ, 8: 31] – ср.: 1 -яр- [СМ: 415], -плещ- [СМ: 251]; с/кос/о/бен/и/ть/ся ‘ искривиться’ [СВГ, 10: 30] – ср.: -кос- [СМ:], -бен- [СМ:]; с/прост/о/квас/и/ть/ся ‘превратиться в простоквашу’ [СВГ, 10: 105] – ср.: -прост- [СМ: 265], -квас- [СМ: 146]; о/зл/о/пол/и/ть/ся ‘обозлиться’ [СВГ, 6: 39]– ср.: -зл- [СМ: 130], -пол- (ср.: распалиться [СМ: 237]).

4. RiRSPt: мал/о/мож/и/ть/ся ‘капризничать, поступать своеволенравно’ [СВГ, 4: 68] – ср.: 1 -мал- [СМ: 198], -мож- [СМ: 212].

5. RiRPt: чел/о/би/ть/ся ‘высказывать жалобы’ [СВГ, 12: 26] – ср.: -чел- [СМ: 389], -би- [СМ: 31].

7. RSiRS: сме/х/о/дол/и/ть ‘смешить’ [СВГ, 10: 56] – ср.: 1 -сме- [СМ: 314], -дол- [СМ: 107].

В результате анализа сложных основ диалектных глаголов выяс-выяснилось, что в их составе представлено преимущественно четыре (RiRS) или пять морфем. Относительно большая сложность глагольных основ по сравнению с субстантивными и адъективными основами определяется наличием в их финальной части суффиксов, определяющих тип глагольного словоизменения. Отождествление морфов сложных основ также выявило ряд элементов, не соотносительных с морфемами современного русского литературного языка: скособениться, дербалызнуть, озлополиться и др.

Анализ состава морфем и характера их взаимоотношений в структуре сложных основ диалектных слов позволил сделать ряд выводов относительно характера их членимости в системе вологодгодских говоров

Исследование комбинаторных типов данных основ показало, что в их структуре выделяется от трёх до шести морфем. Вместе с тем подавляющее большинство основ имеет в своём составе три или четыре морфемы. Это связано со спецификой функционирования слова в устной речи, действием тенденции к лингвистической экономии. Трёх- и четырёхморфемные основы в целом будут иметь бóльшую членимость, особенно в тех случаях, когда в их составе нет контактно расположенных одноимённых аффиксов.

Источники и литература

1. Иванова Л. В. Структурно-семантическая типология глаголов (на материале говора с. Татищево Переволоцкого р-на Оренбургской обл.). Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1972.

2. СМ – Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. Словарь морфем русского языка. – М., 1987.

3. Опыт – Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря. Томск, 1982.

4. РГ-80. – Грамматика русского языка. – М., 1980.

5. Селянина Е. Г. Многокорневые глаголы в современных вологод-

вологодских говорах // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. – Вологда, 2002.

6. СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1- 12. – Вологда, 1983-2006.

7. Смирнова И. В. Особенности морфемной структуры диалектных прилагательных в вологодских говорах // ЛАРНГ. Материалы и исследования. – СПб, 2006. – С. 142-149.

8. Шаброва Е. Н. Структура непроизводных глаголов в вологодских говорах. Дисс. … канд. филол. наук. Вологда, 1997.

9. Шаброва Е. Н. Морфемика диалектного глагола / Отв. ред. С.И. Богданов.– СПб., 2003.

Буянова Людмила Юрьевна
Кубанский государственный университет
доктор филологических наук, профессор

Рюмин Роман Владимирович
Вологодская духовная семинария
кандидат филологических наук

Лингвоконфессиональные и культурогенные Основания русского национального языка

Аннотация:

В статье раскрывается специфика и значимость лингвоконфессионального подхода к интерпретации и характеризации русского национального языка; показана специфика лингвоконфессионального анализа современной языковой сферы, формирующей и отражающей русское культурное православное пространство. Русский национальный язык рассматривается как этнокультурный и лингвоконфессиональный код культуры; как средство сохранения и передачи от поколения к поколению важнейших конфессионально-аксиологических феноменов. Показано, что православно-конфессиональная обусловленность пронизывает все основные ярусы русского национального языка, но главный ярус, в котором в максимальной степени преломляются культурно-конфессиональные установки и ментальные стереотипы, – это фразеологический ярус.

Ключевые слова: : православие, конфессия, конфессионим, национальный язык, культурное пространство, лингвоконфессиология, конфессиональная память, православные духовные ценности.

Lingvo-confessional and culturogenic foundations of the Russian national language

The article reveals the specificity and significance of the linguo-confessional approach to the interpretation and characterization of the Russian national language; the specificity of the linguo-confessional analysis of the modern

language sphere, which forms and reflects the Russian cultural Orthodox space, is shown. The Russian national language is considered as an ethno-cultural and linguo-confessional code of culture; as a means of preserving and transmitting from generation to generation the most important confessional and axiological phenomena. It is shown that Orthodox-confessional conditioning permeates all the main tiers of the Russian national language, but the main tier, in which cultural-confessional attitudes and mental stereotypes are refracted to the maximum extent, is the phraseological tier.

Key words: Orthodoxy, confession, confessional name, national langua-language, cultural space, linguoconfessiology, confessional memory, Orthodox spiritual values.

В эпоху глобализации, в эпоху острого противостояния культур по по линии Восток – Запад в российском обществе, в его культурном пространстве отмечается особый интерес к проблемам изучения и преподавания основ православной культуры и этики, усиление исследовательского внимания к истокам и канонам православия как началу всех духовных начал. Активизация Русской Православной Церкви как оплота духовно-нравственного возрождения нации, как государствообразующего фактора отражает огромную роль в процессах становления и самоидентификиции России. Все эти события находят свою репрезентацию в русском национальном языке, в котором со всей полнотой преломились все культурно-исторические, в том числе религиозно-конфессиональные, этапы развития российского социума, пережившего и крах религиозно-духовной системы воспитания и образования, и её возрождение с конца 20-го века. Безусловно, сегодня всё чётче обрисовывается историческая миссия русского языка как государственного – в качестве древнейшей вербальной сокровищницы культуры нации и социума служить способом её формирования, развития, концентрации духовных ценностей, их хранения и репрезентации. Именно государственный язык России обеспечивает межпоколенную связь носителей русского языка и русской культуры, а также формирование национального менталитета.

Феномены этнос, культура, религия, менталитет, язык неразрывно

связаны между собой, воплощаясь и актуализируясь в языке как особом психосоциальном знаковом образовании, аккумулирующем и транслирующем как универсальные, так и национально-эксклюзивные, этноспецифические понятия, представления, значения, смыслы, образы, ассоциации, символы. Семантическое пространство каждого национального языка хранит и передаёт последующим поколениям сакральные для конкретного народа образы, символы, смыслы, ассоциации, чётко структурируясь в аспекте выражения системы тех ментальных этнокультурных ценностей, которые связаны с ключевыми понятиями целостной национальной картины мира.

На современном этапе развития когнитивной лингвистики и лингвокультурологии высок интерес к человеку, к его духовной жизни, системе нравственных ценностей, что обусловливает необходимость решения важнейшей задачи – глубокого исследования национального языка как уникального семиотического и этнокультурного кода социума, формирующего и развивающего не только языковую личность, но и личность духовную, нравственную. Эта задача не может быть решена без осмысления глубокой внутренней связи между морально-этическим, нравственным потенциалом личности и выражением феномена человека в культуре и языке.

Религиозный дискурс, как один из самых древних, занимает особое место в системе различных институциональных дискурсов, отражая религиозно-сакральную картину православного мира, входящую, в свою очередь, в состав общей картины мира, материально-семиотической формой презентации которой является язык. Конфессиональный дискурс специфичен, неповторим тем, что к числу его участников относится Бог – сверхъестественное Существо (Высшая Сущность), к Которому обращены молитвы, псалмы, исповеди. Религиозный дискурс является тайной, так как в нём словами национального языка передаётся духовно-сакральное знание, лежащее далеко за пределами всякого человеческого понимания.

Религия – особая форма духовного осознания мира, обусловленная верой в Бога, она является одной из форм бытия человека, регулятором его жизнедеятельности, составляет базу духовной культуры и

концентрирует в себе глобальные понятия человечества, определяющие бытие как верующих людей, так и неверующих. Эти понятия хранятся в сакральных текстах и постоянно реализуются в речи участников религиозного дискурса.

Необходимо особо подчеркнуть, что история философии, филологии и культуры свидетельствует, что нельзя – и невозможно! – изучать современный язык вне контекста и без учёта тех религиозных ценностей и источников, которые и формировали духовно-нравственную «надстройку», образ жизни, мировосприятие и мораль возникших в своё время государственных образований[1]. Н. А. Бердяев вывел удивительно точную и актуальную «формулу» национального менталитета россиян, потенциал которой сегодня высок как никогда: «Душа русского народа была формирована православной церковью». Таким образом, в единое целое сплетаются такие важнейшие системообразующие феномены государственности, как народ, язык, православие, мораль, нравственность, духовность.

Языковая концептуализация православия и культуры в целом, осуществляемая через религиозно-православное сознание, представляет собой исторически очень длительный, многофакторный, сложнейший процесс «оязычивания» сначала посредством церковнославянского, а затем русского языков основ православия и православной этики, закрепления в различных языковых единицах денотативно-сигнификативной специфики феноменов, формирующих картину православного мира.

Центральное место в структуре каждой национальной картины мира занимают системы ценностей, которые хранятся в коллективной памяти и языковом сознании народа. Главными ценностями в русском социуме выступают ценности духовно-нравственные, отражающие максимально полно ментальность, морально-нравственные установки и идеалы данного этноса.

Реалии религиозно-православной картины мира нашли свое семиотическое воплощение и отражение в русском национальном

[1] Буянова Л. Ю. Православные основы русской культуры и культуры русской речи// Материалы Седьмых научных чтений, посвящённых Дню славянской письменности и культуры (Майкоп, 24 мая 2014 г.). – Майкоп, 2015. – С. 27-33.

национальном языке на всех уровнях его системы: в отдельных словах (религиозная лексика, конфессионимы), фразеологизмах, пословицах, поговорках, паремиях, в текстах – религиозных, художественных, философских, научно-богословских и др. Результатом глобального процесса языковой концептуализации и актуализации православия выступают конфессиональные концепты, имена которых соотносятся со словами-понятиями Бог, Дух Святой, молитва, душа, грех, вера, надежда, любовь, милосердие, совесть, нравственность, благо и др.[2]

Исследователи русского языка фиксируют, что изменения в общественной жизни социума повлекли за собой и изменения в динамике репрезентации определённых групп лексики: в национальный фонд языка и в сферу его массового употребления стала возвращаться единицы религиозной семантики и прагматики, конфессиональной сферы бытования и функционирования.

Е. М. Маркова и Т. Григорянова отмечают, что в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» подобная лексика дается с пометой «возвращение в актив». По их наблюдениям, в этой лексике широко представлены «слова религиозной тематики: Бог, творец, вера, грех, седмица, богослужение, литургия, молебен, панихида, соборование, венчание, молитва, молитвослов, исповедь, евангелие, псалтырь, пост, священнослужитель, батюшка, протоиерей, дьякон, приход, придел, причастие, вероучение, благочестие, знамение, освящение, кулич, Пасха, кадило, каждение, церковная школа, воскресная школа и т. д., которые сопровождались в словарях советского времени пометами «религ.» или «церк.». «Актуализация конфессиональной (религиозной) лексики – сферы ранее [в советское время] табуированной – и употреблявшейся лишь в переносном, метафорическом значении (храм науки, алтарь победы, апостолы мировой революции, политическое евангелие, иконостас орденов)» [Кузьмина, Абросимова 2013: 66], в настоящее время особенно заметна, т. к.

[2] Буянова Л. Ю. Лингвоконфессиология в системе современной гуманитарной гносеосферы: методологичес-методологический инструментарий и понятийный аппарат// Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства». – №21. – Украина, Одесса, 2014. – С. 23-26.

многие люди смогли, наконец, свободно прийти в церковь» .

Как показывает наш глубокий анализ современных направлений языковых разработок, актуальность изучения национальных картин мира в рамках именно **лингвоконфессионального подхода**, предложенного нами в 2014 году[4], существенно возрастает. Это обусловлено тем, что под «натиском» глобализации пришло понимание того, что именно каждая конфессия содержит, хранит и передаёт всё новым поколениям носителей родного национального языка все сокровенные смыслы и значения вербальных и знаковых систем, в которых навечно запечатлён образ национальной души, раскрыта цивилизационная эволюция самого этноса и его нравственно-духовные и конфессиональные ценности, стереотипы, опыт, мудрость; разработана и имплицитно выражена национальная программа обустройства своего мира и жизни[5]. Исследователи феномена души подметили очень актуальную для понимания православной этики особенность: в главном ментальном понятии русской аксиологической системы – **«Душа»** – выражается идея духовного бессмертия человека, что ставит перед ним сложную нравственную задачу жить на Земле праведно, достойно, делать Добро. «Одним из наиболее сложных, неоднозначных можно считать соотношение понятия/концепта и слова «душа», отражающих национально-культурную, ментально-психологическую специфику и ценностную ориентацию русского народа. Только в русском национальном языке, семантически сформированном на постулатах и идеях православной этики, существует такой эксклюзивный фактор, когда глагол, называющий важнейший физиологический процесс, без которого человек не может жить, создан на основе одного со словом «душа» корня, – это глагол **ДЫШАТЬ**. Получается, что жить в православном культурном сознании означает иметь душу, а однокоренные дериваты – **воздух, вдох, вздох, вдохнуть, выдохнуть, выдох, дыхание** – и многие-многие другие лексические единицы своей сово-

[4] Буянова Л. Ю. Лингвоконфессиология в системе современной гуманитарной гносеосферы: мето дологический инструментарий и понятийный аппарат// Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства». – №21. – Украина, Одесса, 2014. – С. 23-26

[5] Буянова Л. Ю. Лингвоконфессиология в системе современной гуманитарной гносеосферы: мето дологический инструментарий и понятийный аппарат// Мова: науково-теоретичний часопис з мовознавства». – №21. – Украина, Одесса, 2014. – С. 23-26

купностью формируют и отражают в буквальном смысле **жизненное** пространство и способ бытия носителя русского языка. Без Души, как и без дыхания, без воздуха, нет жизни. Душа значит Жизнь» .

Для нашей концепции интересны и значимы наблюдения учёного А. Петриковой, изложенные ею в фундаментальной работе «Проповедь как коммуникативно-культурный феномен» . В результате проведённого ассоциативного эксперимента А. Петрикова установила, что самой частой реакцией на стимул **«Душа»** в словацкой языковой картине мира (католицизм) было слово «тело» , в то время как в православной картине мира, по данным наших многочисленных экспериментов с носителями русского языка, **душа** ассоциируется в абсолютном большинстве случаев с **нематериальной** сущностью, но никогда – с телом. Участники (православие) проведённого нами эксперимента дали следующие определения **души: – это чувства, эмоции (23%); внутренний мир человека (19%); нечто абстрактное (11%); материя, субстанция (8%); неотъемлемая часть человека (7%); отражение человека, его образ, характер (7%); энергия (7%); суть человека (3%); то, что дает жизнь (2%); сознание, разум (2%); оболочка (2%); наполнитель (1%).** По одному человеку ответили, что душа – это аура, **индивидуальность, поступки, сосуд, свобода, шар, кристаллик.**

Почти все участники эксперимента не могли чётко определить графический образ денотата, с которым у них ассоциировалось слово «душа»: в основном это были **светлые образы-фигуры с крыльями, крылья** или просто **белые фигуры; тень человека; голубь; птица; ангел с крыльями; сгустки; свет; лучи; солнце; облака**

Родной язык, таким образом, выступает доминантной субстан-субстанцией, хранящей, интерпретирующей и транслирующей в особой знаковой форме в другие культуры культурно-значимый информационно-когнитивный ресурс, элементы которого при определенных условиях проникают в лингвоментальную систему того или

---

[6]Буянова Л. Ю. Русский язык как духовно-семиотическая основа национальной картины мира: лингвоконфессиональный аспект// Русский язык в системе славянских языков: история и современность: сб. науч. тр. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С.17-22.
[7]Петрикова А. Проповедь как коммуникативно-культурный феномен: монография. – Presov, 2010. – 248 с.
[8]Петрикова А. Проповедь как коммуникативно-культурный феномен: монография. – Presov, 2010. – 248 с.

иного этнического сообщества, становясь при этом специфическими этнокультурными и ментально-адаптивными языковыми «скрепами».

Из православных богослужебных книг через молитву и другие сакральные тексты вошли в общенациональный язык важнейшие лексические единицы, ставшие впоследствии семантико-семиотическим основанием соответствующих более крупных ментально-знаковых образований – концептов: лексемы любовь, душа, дух, вера, надежда, совесть, милосердие, терпение, добро, грех и др. Центральной нравственно- дидактической формулой православия и православной этики является констатация «Бог есть Любовь», отличная от константы протестантской этики – «Бог труды любит». Акцент на слове с абстрактной семантикой – «любовь» – обусловил специфику формирования значений у самой лексемы «любовь» и глагола «любить»: в русском языке можно любить огромное, неограниченное количество объектов и субъектов (ср. Я люблю шоколад и др.), что невозможно с точки зрения лексемной репрезентации в английском, французском, немецком и других языках, семантические и грамматические структуры которых были обусловлены смысловыми и понятийно-прагматическими особенностями концепции протестантской этики. Таким образом, вся религиозная православная лексика русского языка является особым функционально-семиотическим средством формирования православно-религиозного сознания и духовной культуры общества. Именно православная культура через сакральные тексты наложила неизгладимый отпечаток на всю когнитивно-смысловую эволюцию русского и других славянских языков, обусловив своеобразие их лексической, фразеологической, синтаксической семантики, речевого поведения, сформировав особую этику и эстетику, определив важнейшие механизмы и максимы основ культуры речи. Христианская вера, актуализируясь в религиозно-духовных текстах различных жанров, расширяет духовный кругозор человека и даёт ему возможность видеть временное на фоне вечности[9].

[9] Буянова Л. Ю. Русский язык как духовно-семиотическая основа национальной картины мира: лингвоконфессиональный аспект// Русский язык в системе славянских языков: история и современность: сб. науч. тр. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С.17-22.

преломившейся и отразившейся в первую очередь именно в языке как артефакте культуры. Кроме того, этот лингвистический термин органично включает в себя все необходимые смыслы: религия народа репрезентирована в рамках конкретной конфессии, без чего она не может существовать. Следовательно, любая конфессия – всегда религиозна. Как одно из лингвокультурологических направлений, лингвоконфессиология включает в себя все существенные аспекты изучения корреляции феноменов язык и религия. При анализе взаимосвязи феноменов религии и языка В. Н. Телия отмечает, что «мощным культуроносным источником для русского миропонимания послужило христианство с его теософией, нравственными установками и ритуалами»[10]. Н. Б. Мечковская констатирует: «язык и религия: две семиотики, два образа мира, две стихии в душе человека, уходящие корнями в подсознание, два самых глубоких, несхожих и взаимосвязанных начала в человеческой культуре…»[11].

Особенности той или иной конфессии отражает на лексическом уровне конфессиональная лексика. Конфессиональная лексика, или конфессионимы, представляет собой совокупность лексических единиц, графические характеристики которых напрямую отражают конфессиональную область их функционирования и выступают, условно говоря, **лингвоконфессиональными маркерами.**

Выделяются следующие тематические группы конфессиональных единиц разных конфессий: 1) Названия религиозных обрядов (исповедь; молитва; пятикратная молитва; пост; намаз; гусл (полное омовение), причастие; обрезание; бармицва; выкуп первенца; конфирмация и др.); 2) Названия культовых зданий и сооружений (храм, собор, церковь, синагога, минарет, мечеть; Стена Плача и др.); 3) Названия грехов (харам; гордыня, отчаяние, неверие, маловерие, суеверие, гнев, лицемерие, зависть, обман; хвастовство, жадность и др.); 4) Названия одежды (платок, чадра, хиджаб; талит, ермолка, кипа и др.); 5)Имена Бога, святых, ангелов (Господь, Создатель, Могучий создатель, Творец,

---

[10]Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 324 с.

[11]Мечковская Н. Б. Язык и религия: учеб. пособие. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.

Аллах, Яхве, Христос, пророк, Адонаи; Эль, Элохим и др.); 6) Названия символов (крест; менора, звезда Давида и др.) и мн. др.

По нашим наблюдениям, главными вербальными единицами, отражающими лингвоконфессиональный аспект русской культуры и национального языка, выступают фразеологизмы, трактуемые широко (это и ФЕ, и пословицы, и поговорки, и устойчивые сравнения). Картина русского мира содержит различные фрагменты языковых полей важнейшим из которых для репрезентации его специфики следует признать **фразеологическое** поле

Фразеологическая картина мира (ФКМ) представляет собой результат сложнейшей креативной деятельности мышления, осуществляемой в процессах и процедурах категоризации и фразеологической концептуализации мира, быта и традиций народа. ФКМ – это особый ментально-когнитивный пласт, вербальный «слепок» народной жизни и народного духа, национального мироосмысления, отражённый и зафиксированный в содержании языковых форм фразем. В процессе фразеологической концептуализации русской действительности эксплицируется феномен вторичной антропологизации языка, связанный с влиянием архетипической, наивно-бытовой, философской, религиозно-мифологической, научной, художественно-поэтической картин мира человека .[12]

Русская культура, сотни лет транслирующая мировой цивилизации идеалы духовности, нестяжательства, взаимопомощи, сострадания, милосердия и т.д., запечатлена в национальном языке, который, как этногенетический и этноконфессиональный код, сохраняет преемственность и константность национального мировидения и самоидентичности. Фразеология, как ни одно другое явление в языке, связана с идиоматичностью и лингвокреативными механизмами вторичной номинации (метафоризацией, переносным смыслом слов, окказиональностью их употребления и т.д.). Этим объясняется особое многообразие и вариативность фразеологических единиц по сравнению с основным словарным составом языка и их более чуткое ре-

[12]Буянова Л.Ю. Национальная фразеология как репрезентация этнокультурной и конфессиональной памяти/Л.Ю. Буянова// Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2016. – №4. – URL: http://evestnik-mgou.ru/Issues/View/

реагирование на внешние факторы существования языка (социальные, экономические, религиозно-конфессиональные, культурно-исторические, национальные). Именно поэтому изучение фразеологических единиц в разных языках в русле лингвокультурной, лингвокогнитивной и лингвоконфессиональной парадигм позволяет обнаружить как их универсальные тенденции и свойства, так и специфические, отражающие уникальность каждой языковой картины мира и ментальность носителей языка. Лингвоконфессиональная доминанта национальной культуры, с нашей точки зрения, – это такая фразеологическая единица (в широком смысле интерпретации), которая максимально однозначно и семантически адекватно актуализирует тот или иной фрагмент русской конфессионально-религиозной концептосферы, репрезентируя всю совокупность православных смыслов, семантических оттенков, ассоциативных корреляций, релевантных для него.

Русские ФЕ репрезентируют своей семантикой уникальный для каждого народа этноконфессиональный пласт, сохранившийся в содержании различных устойчивых выражений, выступая этнокультурно и конфессионально маркированным результатом членения и категоризации мира носителями русского языка. Благодаря свойству воспроизводимости фразеологизмы выполняют функцию специальных ментальных «матриц», устраняющих необходимость заново строить фразу или словосочетание. Так, одним из целесообразных тематико-концептуальных типов классификации ФЕ, характеризующих морально-нравственную сферу личности и социума в русской лингвокультуре, может служить классификация по библейским заповедям, которые возможно интерпретировать как прецедентные тексты. Например, фразеологическим средством языковой актуализации основных этических принципов, заключённых в библейских заповедях, выступают следующие русские устойчивые выражения: Воровство – последнее ремесло; Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом; Вранье не ведет в добро; Чужого мужа полюбить – себя погубить; Суди Бог того, кто обидит кого; Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает; Сгубить легко, да душе каково?; Кто

любит Бога, добра получит много и т.п.

Исследование показывает, что лингвоконфессиональным модусом репрезентации характеризуются, например, те ФЕ и паремии, в семантико-когнитивной структуре которых зафиксировано особое отношение русских к таким ключевым категориям культуры, как деньги, богатство и бедность. В соответствии с положениями православной этики богатство, судя по ФЕ и паремиям, чаще всего осуждается и трактуется народным сознанием как великий грех перед Богом, если оно нажито нечестным способом или неправедным трудом: Деньга попа купит и Бога обманет (т. е. поп грехи скроет). Богатство перед Богом великий грех, а бедность перед людьми[13].

Фразеологический образ мира репрезентирует важнейшие элеэлементы ценностной картины русского мира, посредством ФЕ транслируя национально детерминированную систему оценочных отношений: к жизни и смерти; к земле, небу; к старшим и младшим; к женщинам и мужчинам, к детям; к здоровью и болезни; к труду и лени; к подвигу и трусости; к собственности, богатству и бедности; к близким и родным; к врагам и др., например: Время – лучший лекарь; Всему своё время; На миру и смерть красна; Жизнь измеряется не годами, а трудами; Жизнь дана на добрые дела; Совет дороже денег; Старость опытом богата и др

Лингвисты отмечают, что фразеологические единицы каждого национального языка репрезентируют своей семантикой конфессиональные аспекты национальной культуры и духовного развития, что позволяет интерпретировать их как лингвоконфессиональные ключи. Например, русские паремии с компонентом-лексемой «грех» и её однокоренными выражают идею онтологической греховности каждого человека: Рожденные во плоти причастны к греху. Грешна душа – во что Бог поставит; репрезентируют мысль о том, что у каждого человека существует право и возможность выбора между Добром и Злом: Грехи не пироги, пережевав не проглотишь. Не поддавайся

---

[13]Буянова Л. Ю., Керашева С. Ш. Фразеологический образ мира: лингвокультурные и лингвоконфессиональные модусы репрезентации// Славянские чтения – 2017: сб. мат-лов Международ. науч.-практич. конфер. – Стерлитамак: Филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», 2017. – С.137-140.

черту, так ему и власти нет над тобой и др.[14] Фразеологическая картина мира каждого национального языка представляет собой символьно-семиотическое пространство, на что указывает открытость его когнитивно-тематических «границ». Сам фразеологизм выступает семиотизированным символом, так как именно язык в семиотике считается особой семиотической системой – символьной, в отличие от индексов и иконических знаков. Как отмечают современные исследователи, фразеологизмы играют значительную роль в выявлении национально-культурных особенностей русского национального языка: ФЕ представляют собой самостоятельные духовные ценности, созданные в языке народом на протяжении его истории. Этнокультурные и лингвоконфессиональные ценности репрезентируются в языке в виде лингвоментальных моделей национальной картины мира. Вполне очевидно, что в русском национальном языке, базирующемся на контексте конфессионально-культурных традиций, объективируется национальное мировидение и миропонимание, что позволяет характеризовать ФЕ именно как культурно-конфессиональный и этнокультурный феномен.

Учёные отмечают, что именно православие определило менментальные доминанты русской культуры, среди которых – абсолютизм, доброта, аскетизм, смиренность, соборность. При этом главной ментальной доминантой русской культуры, по их мысли, становится абсолютизм, определяющий специфику аскетизма, доброты, соборности и смиренности как культурообразующих доминант . Аскетизм, по мысли исследователей, проявил свое влияние в архитектурном образе православия – храме: «Православный храм в его классической форме венчается куполом – символом пламени свечи – и крестом – символом – символом Бога. Таким образом, этот художественный образ говорит о жизни как горении во имя любви к Богу. Именно такое видение характерно для русской религиозной философии: " … наша отече-

[14] Буянова Л. Ю., Керашева С. Ш. Фразеологический образ мира: лингвокультурные и лингвоконфессиональные модусы репрезентации// Славянские чтения – 2017: сб. мат-лов Международ. науч.-практич. конфер. – Стерлитамак: Филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», 2017. – С.137-140.

[15] Кокаревич М.Н., Кучерук Ю.А. Основные культурообразующие доминанты русской культуры // Вестник ТГПУ. Гуманитарные науки. Философия и теория культуры. – 2006. – Вып. 7 (58). – С. 79–83.

отечественная «луковица» воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству. Это завершение русского храма – как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся"»[16].

Понятие Любви в русской лингвоконфессиональной картине мира характеризуется особыми семантическими нюансами, отличными от когнитивных признаков слова «любовь» в общеупотребительной сфере бытования языка. Эта лексема в русском национальном языке вообще отличается широчайшими контекстуальными и смысловыми гранями восприятия. Например, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова понятие «любовь» толкуется следующим образом:

1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. Чары, ожидание, муки любви. (Признание в любви. Объясниться в любви. Брак по любви, без любви. Выйти замуж по любви (за любимого человека). Любовь до гроба (вечная). Любовь прошла, ушла, угасла. Страдать, сгореть, умирать от любви. Страстная, взаимная, безответная, платоническая, романтическая любовь. Любовь с первого взгляда (возникшая сразу, с первой встречи). Склонить к любви. Любовью не шутят (посл.). Любовь не картошка (не пустяк, не безделица; прост. шутл.). Дитя любви (о желанном и любимом ребенке). Любовь зла (о том, что любимого не выбирают)).

2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности. Любовь к родине, к родителям, к детям. Слепая любовь (всепрощающая). Любовь к ближнему. Относиться к своему делу с любовью (любовно).

3. Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-нибудь. Любовь к правде, к истине. Любовь к балету, к чтению, к театру, спорту. Любовь к животным.

4. им. п. Предмет любви (тот или та, кого кто-н. любит, к кому испытывает влечение, расположение). Он (она) – его (ее) первая (или пос-

---

[16]Кокаревич М.Н., Кучерук Ю.А. Основные культурообразующие доминанты русской культуры // Вестник ТГПУ. Гуманитарные науки. Философия и теория культуры. – 2006. – Вып. 7 (58). – С. 79–83.

ледняя) любовь. Он ее очередная любовь.

5. Пристрастие, вкус к чему-нибудь. Любовь к спиртному, к сладкому, к нарядам, к комфорту.

6. Интимные отношения, интимная связь (прост.) .

Таким образом, следует, что в русской лингвокультуре и в рус-русской лингвокультуре и в русской лексикографии в целом выделяют такие важнейшие когнитивные признаки и разновидности любви: «любовь (горячая, беззаветная, бескорыстная, страстная), влечение, увлечение, привязанность, склонность, наклонность, слабость (к чему-либо), страсть, пристрастие, преданность, тяготение, мания, симпатия, верность, благоволение, благорасположение, благосклон ность, доброжелательство, предрасположение)» .

Все системообразующие элементы русского национального языка бережно сохраняются и передаются из поколения в поколение как драгоценные «семена» народной культуры, являющиеся знаково-ментальными константами. Разноструктурные языковые единицы аккумулируют и транслируют национальный менталитет, национальный образ жизни и мировосприятие, основанные на традиционных ценностях, важнейшими из которых и сегодня в русском лингвокультурном пространстве выступают понятия-концепты «семья», «любовь», «душа», «духовность», «милосердие» и иные, выступающие основанием православной культуры .

В лингвоконфессиональной картине мира ЛЮБОВЬ есть БЛАГО, она объединяет весь мира, окружающий Человека, формирует его миросозерцание и мировоззрение, определяет его ментальность и духовную силу. И поэтому православный человек непобедим.

Святейший Патриарх Кирилл наметил программу дальнейшего культурного и языкового развития страны: «Тысячелетняя история России сформировала мощный духовно-культурный код нашего народа, который направляет образ жизни отдельного человека и всего общества. … Этот код невозможно разрушить, ибо он представляет из

---

[18] Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536с. (БТСРЯ)

[19] Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Под ред. Н. Абрамова. – М.: Русские словари, 1999. – 530 с. (СРС)

[20] Буянова Л.Ю., Гукасова Э.М. Языковая репрезентация конфессионально-культурных ценностей как механизм сохранения этнокультурной и духовной идентичности// Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Астраханский госуниверситет. – 2021. – №3 (79). – С.119-124.

себя совокупность истин, которые сформировались под воздействием религиозной традиции и прошли проверку на опыте народной жизни. … На мой взгляд, Россия сегодня должна избрать модель развития, основанную на синтезе научно-технического прогресса и модернизации, не наносящих ущерба Божьему творению, и любви и верности нашего народа своей духовно-культурной традиции. В центре этой традиции как главная опора – духовность, культура и язык русского народа в творческом взаимодействии с духовно-культурными традициями других народов России» (речь 6 марта 2007 г.).

Источники и литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536с. (БТСРЯ)
2. Буянова Л. Ю. Лингвоконфессиология в системе современной гуманитарной гносеосферы: методологический инструментарий и понятийный аппарат// Мова: науково-теоретичний часопис з мовозна вства». – №21. – Украина, Одесса, 2014. – С. 23-26.
3. Буянова Л. Ю. Русский язык как духовно-семиотическая основа национальной картины мира: лингвоконфессиональный аспект// Русский язык в системе славянских языков: история и современность: сб. науч. тр. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. – С.17-22.
4. Буянова Л. Ю. Православные основы русской культуры и культуры русской речи// Материалы Седьмых научных чтений, посвящённых Дню славянской письменности и культуры (Майкоп, 24 мая 2014г.) – Майкоп, 2015. – С. 27-33
5. Буянова Л.Ю. Национальная фразеология как репрезентация этнокультурной и конфессиональной памяти/Л.Ю. Буянова// Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2016. – №4. – URL: http://evestnik-mgou.ru/Issues/View/
6. Буянова Л.Ю., Гукасова Э.М. Языковая репрезентация конфессионально-культурных ценностей как механизм сохранения этнокультурной и духовной идентичности// Гуманитарные исследования.

Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Астрахан - ский госуниверситет. – 2021. – №3 (79). – С.119-124.
7. Буянова Л. Ю., Керашева С. Ш. Фразеологический образ мира: лингвокультурные и лингвоконфессиональные модусы репрезентации// Славянские чтения – 2017: сб. мат-лов Международ. науч.-практич. конфер. – Стерлитамак: Филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», 2017. – С.137-140.
8. Кокаревич М.Н., Кучерук Ю.А. Основные культурообразующие доминанты русской культуры // Вестник ТГПУ. Гуманитарные науки. Философия и теория культуры. – 2006. – Вып. 7 (58). – С. 79–83.
9. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Аз, 1997. – 2296 с.
10. Маркова Е. М., Григорянова Т. Динамические аспекты лексики современных славянских языков. – Brno: Tribun EU. – 2016. – 187 с..
11. Мечковская Н. Б. Язык и религия: учеб. пособие. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с
12. Петрикова А. Проповедь как коммуникативно-культурный фено мен: монография. – Presov, 2010. – 248 с
13. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. – М.: Художественная литература, 1988. – 432с.13. Русские пословицы и поговорки / Под ред. В.П. Аникина. – М.: Художественная литература, 1988. – 432с.
14. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений/ Под ред. Н. Абрамова. – М.: Русские словари, 1999. – 530 с. (СРС)
15. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 324 с.

Здор Наталья Александровна
Онлайн-школы Skysmart
Рядчикова Елена Николаевна
Кубанский государственный университет
доктор филологических наук, профессор
Рюмин Роман Владимирович
Вологодская духовная семинария
кандидат филологических наук

Специфические характеристики понятия «интеллигенция»как составляющие его онтологического статуса

Аннотация:

В статье представлены и сопоставлены взгляды ряда русских и советских писателей и поэтов, философов и словесников на понятие «интеллигенция». Выявлены различные основания, по которым определялось данное понятие: социальная принадлежность родителей, образование, место дислокации, направленность деятельности, внешние характеристики, предметы и имена, способ мышления, обязанности. Цель исследования – выявить основные словарные и национально-культурные составляющие онтологического статуса понятий «интеллигент, интеллигенция», их аксиологический компоненты, как положительные, так и отрицательные, а также проследить их трансформацию на протяжении двух столетий – с начала XIX по начало XXI вв..

Ключевые слова: : интеллигенция, интеллигент, онтология, онтологический статус, специфические характеристики, морально-нравственный аспект, аксиология.

Specific characteristics of the concept of "intelligentsia" as components of its ontological status.

Annotation:

The article presents and compares the views of a number of Russian and Soviet writers and poets, philosophers and wordsmiths on the concept of the

concept of "intelligentsia". Various grounds for determining this concept were identified: social affiliation of parents, education, location, focus of activity, external characteristics, objects and names, way of thinking, responsibilities. The purpose of the study is to identify the main vocabulary and national-cultural components of the ontological status of the concepts "intellectual, intelligentsia", their axiological components, both positive and negative, and also to trace their transformation over two centuries - from the beginning of the XIX to the beginning of the XXI.

Key words: intelligentsia, intellectual, ontology, ontological status, specific characteristics, moral aspect, axiology.

Философская онтология занимается проблемами определения сущности, смысловых значений, свойств бытия, выявления его основных видов, а также отношений между ними. Единицей онтологии языка считается высказывание, под которым понимается «индивидуальная экзистенция, как «вот-бытие» личности, её поступок, её текст в контексте Бытия»[1]. Слово, хотя и является языковым элементом более низкого уровня, равно как и высказывание, не может быть отделено от бытийного контекста. Значит, слово и стоящее за ним понятие обладают неким онтологическим статусом. С вопросом онтологического статуса понятия сопряжены положения о его происхождении, специфических характеристиках, занимаемом в бытийной системе месте, а также связи с процессами, протекающими в реальности.

Рассмотрим характеристики понятия «интеллигенция» как составляющие его онтологического статуса. Много рассуждений об интеллигенции можно встретить у Д.С. Лихачёва. Он отмечает, что понятие это «чисто русское» и в иностранных словарях часто сопровождается соответствующим прилагательным «русская». В это слово вкладывается главным образом ассоциативно-эмоциональное содержание. Интеллигент, по мнению Д.С. Лихачёва, определяется как «представитель профессии, связанной с умственным трудом (инженер, врач, ученый, художник, писатель), и как человек, обладающий умственной порядочностью»[2]. Ученый считает, что интеллигентом может быть только свободный человек, тот, чьи убеждения не зависят

[1] Бондаренко А. В. Лингвистическая онтология от Античности до наших дней. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2009. № 10. С. 19.
[2] Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию. М.: Известия, 1993. № 2. С. 5.

от государственных, экономических, партийных и прочих принуждений. Интеллектуальную свободу он называет основным принципом интеллигенции. Свобода интеллигентного человека ограничена совестью и принципами, принятыми им раз и навсегда. Но, «если интеллигентный человек по размышлении приходит к другим мыслям, чувствуя свою неправоту, особенно в вопросах, связанных с моралью, – это его не может уронить» . За тем, чтобы свобода не превращалась в произвол, должна следить совесть (свободным от которой интеллигент быть не может), её Лихачёв называет рулевым свободы и анге лом-хранителем человеческой чести.

Морально-нравственный аспект интеллигентности ученый счисчитает особенно важным, ведь люди, занимающиеся интеллектуальным трудом, включая собственно науку, могут быть неинтеллигентными в высшем смысле этого слова. Это происходит, когда ученые разрабатывают опасные для людей и животных вещества и технологии, в том числе и те, которые могут быть предназначены для использования во время военных действий. Они приносят культурные ценности и интересы людей в жертву ради своей специальности, в этом и проявляется их неинтеллигентность. Профессионализм ценен, но не равен интеллигентности.

Д.С. Лихачёв рассуждает и о нелегкой судьбе русской интеллисинтеллигенции. «Мы слишком часто употребляем выражение «гнилая интеллигенция», представляем ее себе слабой и нестойкой потому, что привыкли верить следовательскому освещению дел, прессе и марксистской идеологии, считавшей только рабочих «классом-гегемоном”» , – говорит ученый, тут же отмечая, что это в высшей степени несправедливо. В советское время интеллигенция была вынуждена терпеть террор и репрессии со стороны властей, главным образом потому, что была независима. Независимость и сопротивление интеллигенции вызывали введение против нее жестоких мер, таких действий, как разгон Петроградского университета, произведение чистки в студенчестве, отстранение многих ученых от преподавания, реформы в школах и вузах, насаждение политграмоты.

[3] Там же
[4] Там же. С.7.

Пароходами из России вывозились интеллигенты, к которым не могли быть применены в силу их общеевропейской известности обычные способы подавления. Лихачёва поражает мужество и стойкость, с которыми интеллигенты переносили все легшие на их плечи тяготы. В целом, считает академик, они выдержали испытание советским «Смутным временем». Были, конечно, и те, кто отступил от своих идей, но большинство русских интеллигентов, говорит ученый, отступниками не стало. «Я мог бы назвать десятки имен людей, которые честно прожили свою жизнь и не нуждаются в оправдании себе тем, что"мы так верили", "мы так считали"","такое было время", все так делали", «мы тогда еще не понимали», мы были под наркозом" и пр. Эти люди исключают себя из числа интеллигентных, обязанностью которых всегда было и остается: знать, понимать, сопротивляться, сохранять свою духовную самостоятельность и не участвовать во лжи»[5]. Во время противостояния интеллигенции власти, которое началось, по мнению автора, «сразу же после пришествия к власти большевиков» и длилось семьдесят лет, из официального языка ушли понятия чести, совести, человеческого достоинства, благородства, беспристрастности, порядочности, верности своим принципам, и слово «интеллигенция» лишилось духовного осмысления, стало обозначать лишь лиц, принадлежащих к профессии умственного труда. Лихачёв считает несправедливым продолжать «по-большевистски» недооценивать интеллигенцию и не уважать ее. Это «неуважение к памяти тысяч и тысяч людей, которые мужественно вели себя на допросах и под пытками, остававшихся честными в лагерях и ссылках, во время гонений на те или иные направления в науке»[6].

В «Письмах о добром и прекрасном» Д.С. Лихачёв призывает каждого человека быть интеллигентным. По его мнению, нет такой профессии, которая не требовала бы интеллигентности, также для интеллигентности не важен уровень образования и статус в обществе. «Интеллигентность, – говорит академик, – нужна при всех обстоятельствах. Она нужна и для окружающих, и для самого человека»[8]. Это

---

[5] Там же
[6] Там же. С.7.
[7] Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Прогресс, 1992. – С. 37.

качество приравнивается Лихачёвым к нравственному здоровью и, по его мнению, способствует долголетию. Важной является мысль, что образованность нельзя смешивать с интеллигентностью. Образованный человек может быть и неинтеллигентен, а если он действительно обладает данным качеством, оно останется при нем, даже если вдруг вся его образованность пропадет фантастическим образом. Автор говорит о том, что встречал по-настоящему интеллигентных людей и среди крестьян. Они имели налаженный быт, были доброжелательны и приветливы, восприимчивы к чужим горестям и радостям. Интеллигентность – это душевные силы, которые нуждаются в развитии и тренировке, которую должен производить их обладатель, так же, как и физические силы. Доброжелательность и приветливость ведут человека к красоте и физическому здоровью, говорит Лихачёв. Душевная же слабость влечет за собой слабость физическую. Быть интеллигентным – социальный долг человека. Ученый передает призыв к интеллигентности своим читателям, в том числе молодым читателям.

Черты, которыми, по мнению Лихачёва, должен обладать интеллигентный человек, и способности, которые он должен развивать в себе, следующие:

1) восприимчивость к интеллектуальным ценностям;
2) любовь к приобретению знаний;
3) интерес к истории;
4) эстетическое чутьё;
5) способность восхищаться красотой природы;
6) бережное отношение к природе;
7) понимание характера и индивидуальности другого человека;
8) готовность оказать помощь (сделать это незаметно);
9) отсутствие грубости;
10) отсутствие равнодушия;
11) отсутствие злорадства;
12) отсутствие зависти;
13) уважение (в том числе к культуре прошлого,
умение уважительно спорить);
14) воспитанность;

15) ответственность;

16) богатство и точность своего языка;

17) скромность;

18) гостеприимность;

19) приветливость;

20) доброта;

21) терпимое отношение к миру и людям.

Онтологический статус понятия предполагает выделение его специфических характеристик. Свойственные настоящему интеллигенту, а также в некоторой степени и интеллигенции как собирательному понятию, черты, зафиксированные Д.С. Лихачёвым, приведены выше. Теперь обратимся к параметрам, обнаруженным нами в результате исследования данных языка художественной литературы, в том числе подкорпуса «Художественная литература» Национального корпуса русского языка. Отметим, что в данной работе нами рассмотрены характеристики без яркого оценочного компонента, так как последние связаны не только с онтологией, но и с аксиологией понятия, и требуют отдельного рассмотрения.

Итак, интеллигенция, в первую очередь, так или иначе, соотносится с понятием «образование». Эту особенность, свойственную интеллигенции, что называется, по умолчанию, видим в «Письмах с дороги» Г.И. Успенского: «А вы, петербургская интеллигенция, сидите по чердакам с высшим образованием»[8] . Можно также найти такое определение, как «жрецы науки»[9] . Кроме того, наличие образования, согласно С.П. Залыгину, накладывает на интеллигенцию определенные обязательства: «она получила образование, и не для себя только, а должна отдавать его народу»[10]. Тесная связь возможности существования интеллигенции с возможностью получения образования и вытекающая из этого зависимость находят отражение в рассказе Ю.М. Нагибина «Смерть на вокзале»: «С отменой классического образования если и не вовсе погаснет, то поблекнет скорбно русская интеллигенция»[11]. Также в произведениях отражается и другое, обывательское,

[8] Национальный корпус русского языка // Национальный корпус русского языка. Подкорпус: художественная литература. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=JSONeyJkb2Nfc3BoZXJlIjogWyLRhdGD0LTQvtC20LXRgdGC0LLQtdC90L3QsNGPIl19&mysent=&mysize=139293364&mysentsize=0&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=9799&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=интеллигенция (дата обращения: 12.03.2021).

[9] Там же

[10] Там же

[11] Там же

более бытовое понимание интеллигенции: «имеющие какое-нибудь образование, хоть два класса гимназии» в романе В.Б. Шкловского «Сентиментальное путешествие»[12], или «книжек, наверно, много прочитали» в рассказе В.М. Шукшина «Живёт такой парень»[13].

Понятие «орден интеллигенции» появилось в XX в. благодаря русским религиозным философам. Метафора ордена была распространена ими на всю русскую интеллигенцию, «пошедшую в прогресс». Первым использовал это понятие философ и религиозный мыслитель С.Л. Франк в сборнике «Вехи» в 1909 г. Обращаясь к понятию «орден интеллигенции», отметим, что следы этого метафорического выражения проявляются в литературе. Так, говоря об Илье Фондаминском в «Моей летописи», Н.А. Тэффи употребляет фразу «орден "рыцарей русской интеллигенции"»[14]. Также в текстах художественных произведений можно встретить и некие атрибуты этого ордена, например, знамя, «знамя интеллигенции»[15], которое нужно держать высоко.

Интересно с точки зрения онтологии «попадание» в интеллигенцию, его возможность или невозможность, предопределенность данного процесса. «Интеллигенция в ихнем роде в плоть и в кровь въелась» – слова[16] из романа А.Ф. Писемского. «Интеллигенция» здесь может быть отождествлена с «интеллигентностью», но всё же прослеживается детерминированность принадлежности к интеллигенции родом и утверждение об осуществимости передачи этой принадлежности по наследству. Встречается также выражение «потомственная интеллигенция»[17]. С другой стороны,некоторые герои на «стезе попасть в интеллигенцию»[18] имеют желание и возможности «пробиться»[19] в неё, повысив тем самым свой социальный статус. Имеет место довольно примитивное представление части людей о том, как можно стать интеллигенцией: по их мнению, попадают туда без промедления, «приобретя енотовые шубы и записавшись членами в клуб»[20].

[12] Там же
[13] Там же
[14] Там же
[15] Там же
[16] Там же
[17] Там же
[18] Там же
[19] Там же
[20] Там же

Среди определений интеллигенции, в которых не заложен яркий оценочный компонент, нам представляется возможным выделить определения, классифицирующие её по месту дислокации (например, местная, провинциальная, городская, сельская, петербургская, узловская (район в Тульской области)), в зависимости от направленности деятельности (например, творческая, художественная, техническая), а также более широкие категории, такие как интеллигенция отечественная и интеллигенция фронтовая .[21]

Интеллигенция определяется и через некоторые внешние харахарактеристики её представителей. Причем в произведении второй половины XIX в. это образованные светские молодые люди, а в тексте конца XX в. «очкарики, сплошь пожилые, одышливые, плоскостопных много» .[22]

Интересно метафоричное определение интеллигенции через предметы и имена. Так, герой рассказа В. Токаревой «Просто свободный вечер» Гошка Лазутин, мысленно разделяя членов общества на некоторые группы, нарекал интеллигенцию «шляпами» .[23] Они соседствовали с, например, «пиджаками» – рабочим классом, «чемоданами» – транзитными пассажирами.

Если обратиться к именам, то с интеллигенцией в романе Г.Г. Гуревича «Нелинейная фантастика (Из "Книги замыслов")» почему-то соотносят Валентинов: «Эдики – отрицательные пошляки и низкопоклонники, любители западных мод, джаза, беспринципные соблазнители. Валентины – из мягкотелой потомственной интеллигенции. Валерки – названы в честь Чкалова, для меня они староваты» .[24]

О формировании интеллигенции можно встретить следующее суждение: «У русской интеллигенции отец – дворянин, но мать все-таки крестьянка» .[25] Этим детерминированы её долг и проклятие, а также, возможно, утверждение о том, что интеллигенция характеризуется «ломаным, полународным, полукнижным, языком» .[26]

Хотя существует предположение, что интеллигенция делится на определённые группы («Одна была более или менее безграмотна в политике (во всяком случае – Ленина не читала), к ней принадлежали

[21] Там же
[22] Там же
[23] Там же
[24] Там же
[25] Там же
[26] Там же

большие поэты и прозаики, художники, композиторы, театральные деятели. Другая жила целеустремленно в том или другом активном революционном действии»[27]), часты также утверждения о её единстве и единомыслии, а также политической ответственности единой интеллигенции.[28]

Нередко интеллигенцию считают обособленной группой, отстраненной и даже изолированной от остального общества, «нацией внутри нации»[29], говорят, что она не нуждается в понимании, чем сама поддерживает сложившуюся дистанцированность.

Из уст героев литературных произведений звучат неутешительные прогнозы относительно будущего интеллигенции: «Мы с тобой, Андрей, еще доживем до того времени, когда она вымрет как класс, и слова эти сами собой выпадут из языка за ненадобностью»[30]. Или: «Униженная новым временем интеллигенция окажется податливым и надежным материалом, не способным на бунт и предательство, в особенности, если восполнит через Книги, а косвенно и Лагудова, свою извечную классовую тоску по духовности»[31].

У интеллигента, по мнению Максимилиана Волошина:

На месте утвержденья — отрицанье,
Идеи, чувства, — всё наоборот,
Всё «под углом гражданского протеста»[32].

И.А. Ефремов называет интеллигентной частью народа людей, открыто инакомыслящих[33]. Отрицание и протест Татьяна Толстая считает главным стержнем интеллигентского мировоззрения, который был и остаётся неизменным, несмотря на все видоизменения, претерпеваемые интеллигентом, хотя бы потому, что мир вокруг него тоже меняется.[34]

Тем не менее, русская интеллигенция, которая признаётся детищем Пушкина, Герцена, Толстого, Чехова, считается «вне званий и состоя-

---

[27] Там же
[28] Там же
[29] Там же
[30] Там же
[31] Там же
[32] Волошин М. Россия // Антология русской и зарубежной поэзии «РуСтих». URL: https://rustih.ru/ maksimilian-voloshin-rossiya-2/(дата обращения: 14.03.2021).
[33] Ефремов, И. А. Час Быка. М.: АСТ, 2015. С. 251.
[34] Толстая Т. Мюмзики и Нострадамус: интервью газете «Московские новости» // Электронная библиотека «Библиотека фантастики». URL: http://rulibs.com (дата обращения: 14.05.2021).

состояний, вне размеров благосостояния и общественного положения» , имеет на плечах своих священную и одновременно тяжкую «обязанность собирать все живое, собирать всю Россию, охранять всю культуру от варваров, достоинство России и цивилизации оберегать от разнузданных временщиков» . В цикле Г.И. Успенского «Власть земли» видим призывы принять интеллигенцию такой, какая она есть, потому как тот её тип, который существует в действительности в тот или иной момент, даёт сама жизнь. Представитель интеллигенции «должен быть таким, а не иным, потому что такова страна и люди, среди которых он живет» .

Необходимо сказать также о том, что если на протяжении полутора столетий – с середины XIX до конца XX – понятие «интеллигенция», «интеллигент» были интересны русскому обществу, востребованы и актуальны в различных сферах жизни, они формировались, активно обсуждались, трансформировались, предлагались для саморазвития в числе духовных ценностей, то XXI век потерял к ним интерес – видимо, под влиянием менталитета Запада, где данные понятия отсутствуют вовсе. Так, например, «Толковый словарь русского языка конца XX века» чётко отражал дуальность и противоречивость понятия «интеллигенция»: «Интеллигент – 1. Тот, кто отличается стремлением к знаниям, культурой поведения и твёрдыми нравственными принципами (независимо от уровня образования, рода занятий и социального положения); 2. Презрит. В советск. время: о человеке умственного труда, наделяемом такими качествами, как нерешительность, склонность к самомнению, малодушию».

А «всеобщий словарь» XXI века Википедия – электронный источник, который постепенно подминает под себя и вытесняет из сознания молодого поколения все остальные словари и энциклопедии, даёт понятие «интеллигенция» только в прошедшем времени и в его толковании демонстрирует некую растерянность, предлагая много разных точек зрения и никак тем самым не помогая молодежи

[35] Национальный корпус русского языка // Национальный корпус русского языка. Подкорпус: художественная литература. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp= JSONeyJkb2Nfc3BoZXJlljogWyLRhdGD0LTQvtC20LXRgdGC0LLQtdC90L3QsNGPIl19&mysent=&mysize=1392933648mysentsize=0&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=9799&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=интеллигенция (дата обращения: 12.03.2021).

[36] Там же

[37] Там же

[38] Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Скляревской. М.:

более или менее однозначно сориентироваться в понимании данного слова, данного явления и его ценности в настоящее время. И, наверное, весьма печально то, что эта статья в Википедии последний раз редактировалась только в 2017 году…

Источники и литература

1. Бондаренко А. В. Лингвистическая онтология от Античности до наших дней // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2009. № 10. С. 15-21.
2. Волошин М. Россия // Антология русской и зарубежной поэзии «РуСтих».URL:https://rustih.ru/maksimilian-voloshin-rossiya-2/(дата обращения: 14.03.2021).
3. Душенко К. Аристократия духа и орден интеллигенции: генеалогия понятий // Вестник культурологии. М.: Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии наук, 2019. № 4. С. 39-53.
4. Ефремов И. А. Час Быка. М.: АСТ, 2015. 640 с.
5. Лихачев Д. С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию // Новый мир. М.: Известия, 1993. № 2. С. 3-9.
6. Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М.: Прогресс, 1992. 237 с.
7. Национальный корпус русского языка // Национальный корпус русского языка. Подкорпус: художественная литература. – URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&api=1.0&mycorp=JSONeyJkb2Nfc3BoZXJlIjogWyLRhdGD0LTQvtC20LXRgdGC0LLQtdC90L3QsNGPIl19&mysent=&mysize=139293364&mysentsize=0&dpp=&spp=&spd=&mydocsize=9799&mode=main&lang=ru&sort=i_grtagging&nodia=1&text=lexform&req=интеллигенция (дата обращеня:12.03.2021).
8. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Скляревской. М.: Изд-во РАН, Институт русского языка, 1998
9. Толстая Т.Н. Мюмзики и Нострадамус: интервью газете «Московские новости» // Электронная библиотека «Библиотека фантастики». URL: http://rulibs.com/ru_ zar/prose_rus_classic/tolstaya/8/j59.html (дата обращения: 14.05.2021).

Игумен Иоасаф (Вишняков Андрей Павлович)
Вологодская духовная семинария

Богородице-рождественский ферапонтов мужской монастырь: история обители от основания до второй половины XVII в.

Аннотация:

Статья посвящена истории Богородице-Рождественского Ферамонастыря с момента его основания до второй половины XVII в. Последний период ознаменован пребыванием там в ссылке с 1666 по 1676 гг. бывшего патриарха Никона. Обозначенному факту уделяется особенно пристальное внимание. Основная исследовательская цель представленной работы – путем анализа и синтеза информации, заключенной в дореволюционных и современных источниках, а также с помощью изучения содержания неопубликованных монастырских переписных документов восстановить историческое описание быта, основных хозяйственных занятий насельников обители, состояние ее построек в период, ограниченный указанными хронологическими рамками. Достижению цели большей частью послужили материалы Описи Ферапонтова монастыря, которая была составлена в июле 1665 года, хранящаяся в Государственном архиве Вологодской области.

Основанный в конце XIV в. как место, выбранное и предназначенное для несения иноческого подвига в уединенных условиях преподобным Ферапонтом, Богородице-Рождественский монастырь постепенно разрастался. Ключевую роль в духовном, культурном и хозяйственном развитии обители, обозначившемся с середины XV в. сыграла личность ее игумена Мартиниана – ученика св. преп. Кирилла Белозерского. На протяжение всей истории две расположенные неподалеку друг от друга обители были тесно взаимосвязаны – и духовно, и хозяйственно. Но Ферапонтов монастырь существенно уступал Кирилло-Белозерскому по числу братии, площади угодий и т. д.

Отдельное внимание уделяется книжному и библиотечному делу, получившему в монастыре распространение. Приводится описание

краткое книг по содержанию монастырской описи 1665 г.

Традиция и устройство монашеской жизни в Ферапонтовой обители, доступность для ее насельников богослужебной, святоотеческой и житийной литературы того времени, а значит, и возможность получения богословских знаний, способствовали тому, что в период расцвета монастыря, некоторые члены его братии были удостоены епископского сана.

К середине XVII в. монастырь не только обладал ценно украшен-украшенными каменными храмовыми постройками, владел вотчинными землями, развивал хозяйство, но и был известен вышедшими из стен обители святыми угодниками Божиими и святителями, трудившимися на благо Русской Церкви.

Согласно материалам описей, он представлял собой довольно типичную среднюю обитель Русского Севера, содержащуюся за счет собственного натурального хозяйства – земледелия, скотоводства, рыбного промысла, производства ремесленной продукции.

Но начиная с периода, которым ограничиваются заявленные в названии статьи хронологические рамки, в нем начинает сокращаться число братии и приходит общий упадок хозяйства. В этом плане Ферапонтов монастырь также являет собой типичный пример: изменение монастырской жизни на Руси в то время шло в сторону ее постепенного угасания.

Ключевые слова: Ферапонтов монастырь, монастырская повседневность, патриарх Никон, история Русской Церкви, монастыри Русского Севера

Bogoroditse-Rozhdestvensky Ferapontov Monastery: the history of the monastery from the foundation to the second half of the XVII century

Аннотация:

The article is devoted to the history of the Bogoroditse-Rozhdestv Ferapontov Monastery from its foundation to the second half of the XVII century. The last period was marked by the stay there in exile from 1666 to 1676 of the former Patriarch Nikon. The indicated fact is given particularly

close attention. The main research goal of the presented work is to restore the historical description of life, the main economic activities of the inhabitants of the monastery, the state of its buildings during the period limited by the specified chronological framework by analyzing and synthesizing information contained in pre-revolutionary and modern sources, as well as by studying the contents of unpublished monastic census documents. The materials of the Inventory of the Ferapontov Monastery, which was compiled in July 1665, stored in the State Archive of the Vologda region, served to achieve this goal for the most part.

Founded at the end of the XIV century as a place chosen and intended for carrying out monastic feats in secluded conditions by the Monk Ferapont, the Theotokos-Rozhdestvensky Monastery gradually grew. The key role in the spiritual, cultural and economic development of the monastery, which has been marked since the middle of the XV century, was played by the personality of its abbot Martinian – a disciple of St. Rev. Kirill Belozersky. Throughout history, the two monasteries located not far from each other have been closely interconnected – both spiritually and economically. But the Ferapontov Monastery was significantly inferior to the Kirillo-Belozersky Monastery in terms of the number of brethren, land area, etc.

Special attention is paid to the book and library business, which has become widespread in the monastery. A brief description of the books on the contents of the monastery inventory of 1665 is given.

The tradition and structure of monastic life in the Ferapontov monastery, the availability of liturgical, patristic and hagiographical literature of that time for its inhabitants, and therefore the possibility of obtaining theological knowledge, contributed to the fact that during the heyday of the monastery, some members of its brethren were awarded episcopal dignity.

By the middle of the XVII century the monastery not only possessed valuable decorated stone temple buildings, owned patrimonial lands, developed the economy, but was also known for the saints of God who came out of the monastery walls and saints who worked for the benefit of the Russian Church.

According to the inventory materials, it was a fairly typical average monastery of the Russian North, maintained at the expense of its own subsistence farming – agriculture, cattle breeding, fishing, production of handicrafts.

But starting from the period to which the chronological framework stated in the title of the article is limited, the number of brothers begins to decrease in it and the general decline of the economy comes. In this regard, the Ferapontov Monastery is also a typical example: the change in monastic life in Russia at that time was going towards its gradual extinction.

Keywords: Ferapontov Monastery, monastic everyday life, Patriarch Nikon, history of the Russian Church, monasteries of the Russian North region

Среди обителей Русского Севера Ферапонтов Богородице-Рождественский мужской монастырь по праву занимает особое место, привлекая внимание не только паломников и туристов, но также светских и церковных ученых. Причины такого высокого интереса кроются в глубокой богатой событиями истории обители, уникальности архитектуры храмовых зданий с их отличной сохранностью, а также пребывающих здесь святынях, в ряду которых иконная фресковая живопись Дионисия славится еще и мировой художественной ценностью.

Немаловажное значение в аспекте выявления и изучения роли монастыря, которую он сыграл для истории всей Русской Церкви, имеет и тот факт, что именно эта обитель была выбрана как место заточения попавшего в царскую опалу патриарха Никона. Последние свои деятельные годы бывший первосвятитель провел именно здесь.

При том, что личность, взгляды и разнообразная деятельность самого патриарха Никона в предыдущие годы находились в фокусе внимания церковных историков, ферапотовский период его жизни затрагивается учеными менее прочих. Найти объяснение этому факту нетрудно. В это время бывший первосвятитель сошел с исторической арены, утратив все возможные регалии и уже не мог влиять на жизнь государства и Русской Церкви.

Между тем, для Богородице-Рождественского Ферапонтова монастыря как во время развития событий пребывание в ее стенах опа-

льного патриарха имело существенное значение, отражаясь на его повседневной жизни, так и по сей день сохраняет роль яркого эпизода, оставившего духовное и материальное наследие.

Многовековую историю существования обители можно разделить на разные по продолжительности и содержанию этапы. Одним из интересных и заслуживающих пристального внимания является датируемый от момента зарождения здесь монашеской жизни до второй половины XVII в., когда в Ферапонтово пребывал самый прежде сано витый из ее узников.

В трудах дореволюционных исследователей, например, И. И. Бриллиантова, северная обитель, куда 13 декабря 1666 г. вынужден был отправиться утративший регалии церковного первоиерарха Никон, характеризуется как «удаленная» и «бедная». Но в более ранние периоды своего существования Ферапонтов Богородице-Рождественский монастырь, основанный в самом конце XIV в., можно было охарактеризовать как одну из духовных и культурных доминант на севере Руси, пусть и не такую яркую и заметную, как обитель преподобного Кирилла.

К XVII в., между столицей и северными окраинами государства уже давно существовали транспортные пути, протянувшиеся в меридиональном направлении, призванные обеспечивать связь с Белым морем. Еще в период противостояния Московского и Новгородского княжеств на этих путях были основаны посады и монастыри (в первую очередь, Кирилло-Белозерский, Палеостровский, Соловецкий и др.), роль которых усилилась в связи с новой расстановкой сил в торгово-транспортных отношениях. Возросло значение Ярославля и Вологды. То есть, доступность места ссылки для повозок, запряженных лошадьми, была беспрепятственной. Хотя, конечно, это обстоятельство не могло служить причиной выбора для пребывания в изгнании Никона именно Ферапонтова монастыря, а упоминается, как сопутствующий фактор. Интересно, что в истории обители на тот момент уже значилось ее посещение (краткая по времени остановка, даже без ночлега) бывшим первоиерархом Церкви, а тогда митрополи

том Новгородским Никоном 25 июня 1652 г., проделанная на обратном пути из Соловецкого монастыря, откуда он сопровождал перенесение в Москву мощей святителя Филиппа.

История монастыря, изначально избранного для ссылки патриарха Никона, началась конце XIV в. В научной литературе преимущественно фигурируют две даты, связанные с его основанием. Это 1397 г., когда, как принято считать с опорой на агиографические источники, иноки Кирилл и Ферапонт (в миру – Федор Проскочин, принадлежавший роду бояр из Волоколамска) пришли на Белоозеро, а также 1398 г., когда через год последний покинул своего спутника, чтобы найти отдельное уединенное место для поселения. Впервые точность указанной датировки основания Ферапонтовой обители была поставлена под сомнение М. С. Серебряковой . Названный исследователь привлекает внимание к тому факту, что ни один из известных на данный момент письменных древних источников точных дат по этому поводу не содержит, поэтому в качестве года основания обители предлагает считать 1409 г., когда был освящен первый деревянный храм, посвященный Рождеству Пресвятой Богородицы. В любом случае, начало монастырю было положено в конце XIV — начале XV вв.

О самом раннем периоде в истории Ферапонтовой обители можно судить по житиям преподобных Ферапонта и Кирилла, а также по источникам, написанным основании их содержания . Обозначить события столь давнего времени представляется возможным лишь очень кратко и схематично.

Ферапонт, служивший Кириллу, будущему игумену Белозер-Белозерскому, проводником в незнакомой местности, через год поселился на водораздельной возвышенности Бородаевского и Паского озер, оборудовал небольшое келейное помещение и огородил место своего уединенного пребывания. Затем он занялся постройкой келий для постепенно присоединявшихся к нему членов братии, а чуть позднее по их просьбе и с благословения Ростовского епископа (на тот период времени монастырь находился на территории Ростовской,

---

[1] Бриллиантов И.И. Ферапонтов Белозерский, ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона: К 500-летию со времени времени его основания 1398-1898: С прил. очерка "Патриарх Никон в заточении на Белеозере". – СПб.: тип. А.П. Лопухина, 1899.– 247 с.– С. 5.

[2] Серебрякова М. С. О дате основания Ферапонтова монастыря // История и культура Ростовской земли. 2000. - Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2001. - С. 32.

[3] Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские: сборник / изд. подгот. Г. М. Прохоровым и др. - 2-е изд., испр. и доп. - СПб.: Глаголъ, 1994. – С. 199-230.

Ярославской и Белозерской епархии), – строительством и благоукрашением храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Преподобный Ферапонт уклонялся от игуменства основанного им монастыря, поэтому игуменом был избран другой старец. Кроме того, богослужения совершал священник из числа братии. Вскоре в Ферапонтовой обители появился первый ее постриженник – рыбак Григорий, проживавший ранее неподалеку, а численность подвизавшихся в ней послушников достигла более полутора десятков человек. Тогда был утвержден общежительный устав, подобно тому, что действовал в Кирилловом монастыре.

Территория нового монастыря располагалась в пределах княжеской вотчины Андрея Дмитриевича Можайского, покровительствовавшего обители, но по просьбе которого ее основатель вскоре вынужден был покинуть Белозерский край, чтобы основать новый Лужецкий монастырь около Можайска и оставаться в нем до своей кончины.

Богородице-Рождественский монастырь, против личного желания оставленный преподобным Ферапонтом, получил начало своего расцвета и импульс к дальнейшему развитию, как один из очагов духовности и культуры Русского Севера в середине XV в., когда игуменом обители по просьбе ее братии стал прп. Мартиниан – выходец из вологодских крестьян, духовно окормлявшийся у прп. Кирилла Белозерского.

С юности пребывавший в Кирилло-Белозерском монастыре, прошедший там обучение и школу возрастания в вере, прп. Мартиниан, благодаря высокому духовному и культурно-образовательному уровню для человека того времени, а также выдающимся качествам личности, обладал отеческим авторитетом, пользовался почтением в церковной среде.

Для понимания роли и статуса Ферапонтова монастыря в Московском государстве на момент рассматриваемых в представленной работе событий, а также в предшествовавшие периоды, стоит обратиться к системе управления и особенностям устройства его

внутренней жизни. Как это было типично для многих монастырей Белозерья (в Кирилло-Белозерском действовал аналогичный порядок), со стороны представителей государственной власти Ферапонтова обитель подчинялась удельному князю, Царю, Приказу Большого Дворца (с 1649 г. – Монастырскому приказу), а в церковно-административном отношении находилась под управлением епархиального архиерея (с конца XVI в. митрополита) Ростовского, Ярославского и Белозерского, а затем Вологодского архиепископа. Внутренними мона стырскими делами управлял игумен.

Правовая специфика, определяющая характер землевладения в Московской Руси, способствовала тому, что на этапе основания и в ранние периоды развития монастырь мог в большей степени зависеть от княжеской, чем от епископской власти. Землевладельческие права князя предполагали и наделение последнего определенными санкционными полномочиями и правами относительно решений, касающихся внутренних дел монастыря, расположенного на его вотчине. Так, например, поставление игумена, избранного братией, в монастырях Белозерья утверждалось князем. Житие прп. Мартиниана повествует о том, как с трудом получив его согласие на игуменство, братия отправилась «о нем бить челом князю Михаилу Андреевичу и сродникам его, потому что это и отчина их была»[4]. В свою очередь, князь незамед лительно «поставили его игуменом Ферапонтова монастыря»[5].

Содержание актовых материалов позволяет говорить о харак-характере взаимоотношений между Ферапонтовым монастырем и представителями церковно-административной и светской власти. Например, в апреле 1625 г. нового игумена - иеромонаха Герасима, поставлял уже носитель первой - митрополит Ростовский и Ярославский Варлаам[7]. Далее по приведенному в исследовании М. С. Серебряковой названию грамоты за 1641-1642 гг., содержащейся в описной монастырской книге, - «Грамота царя и великого князя Михаила Федоровича всея России в Ростов Варлааму митрополиту об отставлении Ферапонтова монастыря игумена Герасима от игуменства»[8], становит

[4] Там же С.244
[5] Там же
[6] Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в.: в 3 т. Т.2 / сост. И.А. Голубцов - М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 728 с. – С. 300–336.

ся понятно, что в этот период решение вопроса о том, кто может занимать пост игумена в Ферапонтовом монастыре – прерогатива власти Царя. Скорее всего, согласно действовавшей в рассматриваемый период традиции, выстраивается следующая схема отношений: правящий архиерей поставляет игумена, а князь (Царь) его подтверждает или накладывает свое вето. Кроме того, в правомочиях царской власти дать указание епископу об «отставлении» игумена.

Таким образом, на протяжении истории со времени своего основания и на момент избрания в качестве места патриаршей ссылки, судьба Ферапонтова монастыря и вопросы, связанные с управлением его делами, находились в довольно тесной зависимости от представителей светской власти.

Влияние на жизнь монастыря владевшего вотчиной князя простиралось и на финансовую, и на судебную сферы. Так, грамотой князя Ивана Андреевича Можайского, датированной 1434-1435 г. крестьянам деревни Крохинская, принадлежащей Ферапонтовой обители, было пожаловано десятилетнее освобождение от дани: «… и кого к себе призовет игумен в ту деревню (…) или кого искупит в моей вотчине да посадит, ино тем всем его людем не надобе моя дань на десять лет, никоторая пошлина, ни рыбное. А волостели мои и их тиуни не всылают к ним ни по что, ни судят их, опрично душегубства…» .

Если от светской власти монастырь был зависим в финансовых, судебных, административных делах, но вопросы, связанные с духовной жизнью и обусловленные ее устроением согласно православному вероучению и традициям русского монашества, в том числе, благословение на храмовое строительство, были в ведении архиерея.

Существенно проявляться влияние ростовского владыки в жизни Ферапонтова монастыря стало со второй половины XV в., когда в состав его владений стали входить новые земли с селениями и, соответственно, подмонастырские храмы, расположенные на них (так, в 1437 г. жалованной несудимой грамотой от князя Верейского и Белозерского Михаила Андреевича Ферапонтовой пустыни отошли крупные территории Белозерской десятины)[10]. На начальный период существования обители есть только сведения об освящении ростовским

[10] Там же С.322

архиереем ее первого храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

В обязанности духовенства храмов, расположенных на территориях монастырских земель, входила плата дани ростовскому архиепископу. Сохранились и были опубликованы еще в дореволюционный период документы, подтверждающие, что в 1533 г. Ростовский владыка Кирилл жалованной грамотой давал освобождение от выплаты этой дани монастырское духовенство и причты храмов основных сел Белозерской десятины – Козоти, Кленово, Цыпино, Ремейнеца, Суслинской пустыни, Сидка, входивших в состав владений Ферапонтовой обители[11]. Кроме того, монастырь и духовенство храмов освобождалось от архиерейских объездов чиновниками, и, соответственно, от их необходимости содержать их материально.

В XVI в. Ферапонтов монастырь, как и все иные обители, попал в зависимость от еще одного надзорного органа – Приказа Большого Дворца, полномочия которого относительно монастырских владений и церковного суда еще в 1649 г. перешли к Монастырскому Приказу, действовавшему и на момент ссылки патриарха Никона. Сохранялась и подчиненность Ростовскому архиерею в финансовых вопросах. Она находила первоочередное проявление в обязанности выплачивать сборы с монастыря и его вотчинных приходских храмов.

Ферапонтова обитель не оставалась и без внимания высшей церковной власти – в ее делах принимал непосредственное участие патриарх Филарет, отец царя Михаила Федоровича, который в 1633 (получается, незадолго до своей кончины) лично приказал «ведать монастырем старцу Ефрему»[12]. Позднее, в 1636 г., это личное поручение подтверждается еще раз царской грамотой[13].

Что касается внутреннего управления монастырем, то оно осуществлялось игуменом, который в рамках наложенной на него ответственности управлял духовными и хозяйственными делами, следил за соблюдением монастырского устава и внешнего благочиния. Помимо игумена на решения, принимаемые в монастыре, оказывал влияние коллегиальный орган – «собор старцев», куда входили келарь, казначей и другие почтенные монахи, занимавшие важные послуша-

---

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской Академии наук: в 4 т. Т. 1. - СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. – 548 с.

[12] Серебрякова М. С. Грамоты Ферапонтова монастыря XV–XVIII вв. // Ферапонтовские чтения (Ферапонтово, 2014). 2015. Вып. 6. - С. 101–149. С. 126

[13] Там же С.322

ния. При этом нужно различать «собор старцев», состоявший из нескольких человек, и так называемый «черный собор», включавший всю монастырскую братию. Решения, принятые собором старцев, обязаны были исполнять как насельники обители, так и крестьяне, проживавшие на землях, принадлежащих монастырю.

Статус игумена был очень высок. Он представлял обитель перед государством. Именно игумену передавалось имущество монастыря, на его имя составлялись грамоты. Если судить по материалам описей Ферапонтова монастыря, датированных годами, близкими к началу ссылки[14] патриарха Никона, в обители, помимо игумена и старцев, в то время подвизались монахи, носившие послушание строителя, келаря, казначея, житника, уставщика, конюшего, ризничего, книгохранителя, хлебного, поваров и т.д. Богослужения совершались, «черными попами» - иеромонахами из числа братии, причем, документ 1665 г. фиксирует их поименно – Варлаам, Варфоломей, Дионисий[15]. Можно предположить, что между ними распределялись чередные богослужения.

В XVII в. в Ферапонтовом монастыре число мирских людей несколько даже превышало братию: в 1665 г. в обители подвизался 51 монах и проживало 54 «бельца»[16], обозначенные в описи как «дворовые» и «мастеровые». В селах монастырских вотчин проживало 260 крестьян. Дальше число монашествующих сокращается: в 1670-х их число достигает 42, а мирян – 79. Обозначенная тенденция сохраняется и в последующие годы.

По уставу Ферапонтов монастырь был общежительным, и даже превышало братию: в 1665 г. в обители подвизался 51 монах и проживало 54 «бельца» , обозначенные в описи как «дворовые» и «мастеровые». В селах монастырских вотчин проживало 260 крестьян. Дальше число монашествующих сокращается: в 1670-х их число достигает 42, а мирян – 79. Обозначенная тенденция сохраняется и в послеследующие годы.

По уставу Ферапонтов монастырь был общежительным, и даже его игумен не мог иметь личного имущества. Братия, послушни-

[14] Опись Ферапонтова монастыря 5 июля 1665 года // ГАВО. Ф. 883 (собрание Н.И. Суворова). Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 2–3.
[15] Опись Ферапонтова монастыря 5 июля 1665 года // ГАВО. Ф. 883 (собрание Н.И. Суворова). Оп. 1. Ед. хр. 40. Л. 59
[16] Там же Л.60.

ки монастыря, а также наемные работники, занимались ведением сельского хозяйства, ремеслами и промыслами. По числу братии, вотчинных крестьян, объемам землевладения во второй половине XVII в. его можно было отнести к монастырям средней величины. По крайней мере, Кирилло-Белозерскому монастырю он уступал значительно.

Обращаясь к истории Ферапонтовой обители от времени ее основания до XVII в., нельзя обойти хотя бы кратким вниманием главные постройки, составляющие архитектурный ансамбль. В период с XV до первой половины XVII в., благодаря княжескому покровительству, жертвователям и трудам братии, Ферапонтов монастырь постепенно стал одним из крупных «вотчинников Белозерья» , материальные средства которого позволяли возводить каменные постройки. И.И. Бриллиантов отмечает, что большая часть земельных и иных владений, составивших основную материальную базу монастыря, позволившую ему развиваться в дальнейшем, была приобретена в период игуменства прп. Мартиниана .

Первый каменный храм обители взамен изначального, деревянного, освященный в честь Рождества Пресвятой Богородицы, был построен в конце XV — начале XVI в. , а с 1641 г. к его южной стене стал примыкать храм в честь преп. Мартиниана. К началу 1530-х гг. относится второе по времени основание каменное здание монастыря - Благовещенская церковь с трапезной палатой. Казенная палата была построена в XVI в., а комплекс Святых ворот входят храм в честь Богоявления Господня (отведенная, кода пришло время, для патриарха Никона) с приделом в честь преп. Ферапонта – в 1650 г. При том, что во втором десятилетии XVII в. монастырь подвергался польско-литовскому разорению, восстановительные работы в нем после освобождения велись довольно активно.

Ферапонтов монастырь по праву называют одним из очагов кулькультуры для своего времени. Развитие книгописания в нем имело глубокие корни и связно еще с именем прп. Мартиниана, который сам был книгописцем. В XV в. книги были редкой ценностью, но М.Д. Каган справедливо полагает, что уже тогда в обители хранилось боль-

[17] Серебрякова М. С. Памятники архитектуры Ферапонтова монастыря по архивным документам XVII–XX веков // Кириллов: Краеведчес-
[18]Бриллиантов И.И. Ферапонтов Белозерский, ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона: К 500-летию со времени его основания 1398-1898: С прил. очерка "Патриарх Никон в заточении на Белеозере". – СПб.: тип. А.П. Лопухина, 1899. – 247 с. – С. 66
[19]Там же. С. 68.

шое их количество. В XVI в. в храме Благовещения Пресвятой Богородицы рядом с казной было выделено помещение под книгохранилище. Труднодоступность этих помещений (практически, надо было преодолеть лестнично-переходные лабиринты) и возможность превращения их в тайники при необходимости, еще раз свидетельствует о ценности книжных экземпляров для монастыря . Частично книги (богослужеб ные) хранились в алтарных и ризничных помещениях.

В описях Ферапонтова монастыря книги упоминаются отдельно и иногда описываются довольно подробно. Так, в описи за 1665 г. перечисляются книги, которые не только содержатся в книгохранительнице, но и находятся в повседневном употреблении. Всего насчитывается 300 рукописных и 53 печатных экземпляра .

Итак, монастырь Белозерья, куда был направлен в первую ссылку патриарх Никон, имел известность и богатую историю, довольно крепкое хозяйство и обширные вотчинные владения. На его территории находились каменные постройки, а хранилища монастыря были богаты богослужебными, житийными, богословскими книгами. Число братии насчитывало на момент ссылки около 50 человек.

Стоит также отметить, что Ферапонтов монастырь, избранный как место патриаршей ссылки, на протяжении своей истории был в тесной связи с представителями государственной власти и получал знаки внимания от них. По причине специфики правового статуса вотчинных землевладений в Московском государстве, еще на ранних этапах своего становления обитель пребывала в существенной зависимости от княжеской власти. В ведении Ростовского архиепископа был только круг вопросов, связанных с духовной стороной монастырского бытия.

Усиление роли церковной власти обозначилось в начале XVII в., когда Ферапонтов монастырь, подобно всем обителям Руси, вошел в подчинение Приказа Большого Дворца (позднее – Монастырского приказа). Монастырь нес податную повинность епархии и находился в еще более тягловом положении по отношению к государственной власти.

К XV–XVI вв. Ферапонтов монастырь, как и расположенный не-

---

[20] уделов, 1908. – 106 с. – С. 29

[21] Опись Ферапонтова монастыря 5 июля 1665 года. ГАВО. Ф. 883. Д. 40. Л. 39.

подалеку от него Кирилло-Белозерский, а также некоторые иные обители, территории которых простирались в этом крае, уже был одним из очагов духовной культуры на северных землях Московского государства. Насельников-иноков этих монастырей стало принято именовать заволжскими старцами. Считается, что они были носителями и проводниками известного церковного направления нестяжателей и оказывали существенное влияние на складывающееся формирование модели взаимоотношений государства и Церкви.

Ферапонтов монастырь возрастил нескольких крупных деятелей Русской Церкви, среди которых епископы, духовники представителей княжеского рода, основатели монастырей и. т. Кроме того, в его стенах и до патриарха Никона содержались известные узники, например, митрополит Киевский и Галицкий Спиридон-Савва. Роль их личностей в истории рассматриваемого монастыря и Русской Церкви – предмет отдельного исследования.

Источники и литература

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею императорской Академии наук: в 4 т. Т. 1. - СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. – 548 с

2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в.: в 3 т. Т.2 / сост. И.А. Голубцов - М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. – 728 с.

3. Бриллиантов И.И. Ферапонтов Белозерский, ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона: К 500-летию со времени его основания 1398-1898: С прил. очерка "Патриарх Никон в заточении на Белеозере". – СПб.: тип. А.П. Лопухина, 1899. – 247 с.

4. Покрышкин П. П., Романов К. К. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. - СПб.: тип. Главного управления уделов, 1908. – 106 с.

5. Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские: сборник / изд. подгот. Г. М. Прохоровым и др. - 2-е изд., испр. и доп. - СПб.:

Глаголъ, 1994. – 321 с.
6. Серебрякова М. С. Грамоты Ферапонтова монастыря XV–XVIII вв. // Ферапонтовские чтения (Ферапонтово, 2014). 2015. Вып. 6. – С. 101–149.
7. Серебрякова М. С. О дате основания Ферапонтова монастыря // История и культура Ростовской земли. 2000. - Ростов: Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2001. – С.32–39
8. Серебрякова М.С. Памятники архитектуры Ферапонтова монастыря по архивным документам XVII-XX веков // Кириллов: Краеведческий альманах. Вып. I. - Вологда: Русь, 1994. – С. 187–213
9. Серебрякова М.С. Письменные источники об игуменах Ферапонтова монастыря XV – XVIII вв. // Историческое краеведение и архивы. Вып. 7. – Вологда, 2001. – С. 98 – 130.

Архивные источники

1. Опись Ферапонтова монастыря 5 июля 1665 года // ГАВО. Ф. 883 (собрание Н.И. Суворова). Оп. 1. Ед. хр. 40.

Иеромонах Ферапонт (Широков Павел Федорович)
Вологодская духовная семинария
кандидат богословия

Отчеты ревизоров учебного комитета при святейшем синоде как источник по истории духовного образования в российской империи

Аннотация:

В настоящей статье представлен анализ информационного потенциала одного из видов исторических источников по истории духовного образования Синодального периода – материалов ревизий духовно-учебных заведений. Исследование основано на анализе происхождения источника, а также его содержания. Цель исследования – выявить специфику рассматриваемого документа, а также доказать на примере отдельной семинарии, что отчеты ревизоров являются важными объективными источниками по истории регионального духовного образования, а изучение отчетов за разные годы способствует воспроизведению динамики развития как отдельной духовной школы, так и духовного образования в целом.

Ключевые слова: Духовное образование, Святейший Синод, Учебный комитет, ревизоры Учебного комитета, ревизии духовно-учебных заведений, Вологодская духовная

Reports of the Auditors of the Educational Committee at the Holy Synod as a source on the history of theological education in the Russian Empire

Annotation.

This article presents the analysis of the information potential of the information potential of one of the historical sources' types on the history of theological education at the Synod period, such as the materials of revisions of theological and educational institutions. The study is based on the analysis of the origin of the source, as well as on its content. The purpose of the study

is to identify the specifics of the considered document, and using the example of a separate seminary to prove that the auditors' reports are important objective sources on the history of the regional theological education; and that the study of different years' reports helps to reproduce the development of both a separate theological school and theological education as a whole.

Key words: Theological education, Holy Synod, Educational Committee, auditors of the Educational Committee, audits of spiritual educational institutions, the Vologda Theological Seminary.

14 мая 1867 года произошла коренная реформа системы духовного образования, которая изменила структуру и круг задач высшего управления духовно-учебными заведениями. Вновь учрежденный Учебный комитет включал в свою компетенцию ряд функций: «1) вопросы по приведению в действие новых уставов духовных семинарий и училищ, 2) предположения к усовершенствованию сих заведены по учебно-педагогической части, 3) программы преподавания предметов в духовных училищах и семинариях, 4) учебные руководства для означенных заведений, 4) книги, сочинения и периодические издания, предполагаемый для распространения в тех заведениях, 6) годовые отчеты о состоянии сих заведений в учебно-педагогическом отношении, 7) отчеты по ревизиям духовно-учебных заведений, 8) меры, какие могут оказываться нужными по содержанию тех и других отчетов, 9) вопросы и предположения по устройству училищ девиц духовного звания»[1].

В первый состав комитета помимо председателя и делопроизводителя вошли девять членов, трое из которых имели функции членов-ревизоров, который должны были в установленном порядке совершать ревизии духовно-учебных заведений. В 1871 году в виду возросшей нагрузки штат ревизоров увеличился до пяти человек. Таким образом, с 60-х гг. XIX века помимо годовых отчетов духовно-учебных заведений появляется еще один важный источник по истории духовного образования – отчеты ревизоров Учебного комитета, которые на сегодняшний день хранятся в фонде Учебного коми-

[1] Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь, содержащий в себе необходимыя для каждаго сведения по всем важнейшим предметам богословскаго знания в алфавитном порядке: издание под ред. проф. А. П. Лопухина: с иллюстрациями и картами. Пг.: Т-во А. П. Лопухина, 1900-1911. Т. 12. 1911. С. 466.

комитета Российского государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (Ф. 802. Оп. 9-10). Однако в течении продолжительного периода данные отчеты также печатались для повсеместного употребления.

Анализ происхождения данного исторического источника обращает исследователей к Определению Святейшего Синода от 29 ноября / 20 декабря 1869 года, в котором было указано «Отчеты ревизоров по духовным семинариям и училищам, как полученные уже, так и поступающие впоследствии печатать по рассмотрению их в Святейшем Синоде»[2]. Печатать данные отчеты необходимо было в количестве 300 экземпляров, после чего их рассылали всем епархиальным архиереям, ректорам духовно-учебных заведений и семинарским правлениям[3]. В 1871 году было предложено печатать отчеты в количестве 600 экземпляров, что постепенно претворялось в жизнь – в 1873 году отчеты печатали в количестве 400 экземпляров, в 1874 году – 520, в 1875 – 550, в 1876 – 570[4]. Отчеты ревизоров должны были с одной стороны оказать содействие духовно-учебными заведениям в деле преобразования духовных школ, с другой стороны, по замечанию церковного историка Н. Ю. Суховой, также должны были свидетельствовать о «полной гласности, в отличии от прошлой засекреченности»[5]. Действительно, через библиотеки ознакомится с отчетами могли как наставники, так даже и воспитанники духовных школ[6]. Указом Святейшего Синода от 14/24 декабря 1883 года за № 2593 было определено дальнейшее печатание отчетов признать нецелесообразным и прекратить, а по мере необходимости определить возможным печатать отчеты в форме циркуляров, содержащих общие указания и распоряжения[7].

Цель ревизоров, по замечанию Н. Н. Глубоковского, заключачалась в оказании должной помощи духовным школам «не холодными прещениями и страшными карами» а «добрым советом и авторитетным указанием»[8]. По мнению того же церковного ученого, отчеты ревизоров «не были мертвыми бумагами. В них до известной степени

[2] ГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 142. Л. 1
[3] Там же. Л. 1 об
[4] Там же. Л. 32.
[5] Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М.: ПСТГУ, 2006. С. 178.
[6] Глубоковский Н. Н. По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном комитете при Святейшем Синоде. СПб.: Синодальная типография, 1907. С. 83.
[7] Положение об Учебном комитете. СПб., 1907. С. 10-11.
[8] Глубоковский Н. Н. По вопросам духовной школы… С. 83.

отражалась подлинная духовно-школьная жизнь, которая лучше всяких канцелярски-красивых фраз говорила, что у нее есть хорошего и полезного для обеспечения дальнейшего процветания. Эти отчеты были настоящими педагогическими трактатами или "томами", с массой ярких наблюдений и удостоверенных соображений»[9].

Ревизор, по окончании инспекции семинарии, сообщал об ее итогах епархиальному архиерею устно, а для Учебного комитета готовил письменный отчет, который представлял обер-прокурору после возвращения в столицу. Обер-прокурор лично знакомился с материалами ревизии, вносил свои корректировки, после чего отчет направлялся для рассмотрения в Учебный комитет. Шаблона для составления отчета не было, каждый ревизор руководствовался сложившейся практикой, а также личными предпочтениями. Важное значение имели указания обер-прокурора, которые ревизор получал перед ревизией.

В среднем в год ревизоры посещали около десяти епархий, а учитывая территориальную протяженность некоторых епархий, а также количество духовных училищ, можно сделать вывод, что труд ревизора был весьма непростым. Ревизор С. И. Миропольский отмечал: «Путь ревизора надо считать несколькими тысяч верст; в некоторые командировки одному ревизору приходилось делать более 10 тысяч верст, и притом в неудобное время, так как ревизии производятся поздней осенью и зимой, и в редких случаях весной, всегда во время периода учения»[10].

Ревизия духовно-учебных заведений осуществлялась по всем частям жизни духовной школы: административной, учебной, воспитательной, экономической, хозяйственной. Таким образом, можно отметить, что отчеты ревизоров на сегодняшний день являются ценнейшим источником по истории среднего и начального духовного образования в Российской империи. «Можно положительно сказать, что ни одно из учебных ведомств не имеет таким обстоятельных и всесторонних ревизий, какие имеет ведомство духовное, через

---

[9] Там же.
[10] Миропольский С. И. 25-летие Учебного комитета при Святейшем Синоде // Церковные ведомости. 1892. № 23. С. 839.

членов-ревизоров Учебного комитета»[11], – отмечал С. И. Миропольский. Отчеты о ревизии отдельной духовной школы дают достаточно точную и всестороннюю картину динамики развития учебного заведения.

Отчет по итогам ревизии составлялся по достаточно стандартной форме: сначала всегда приводилась краткая справка об учебном заведении, которая содержала исторические сведения, некоторые замечания о современном положении и количестве учеников.

Пожалуй, самый подробный раздел был посвящен учебной части. Наиболее важным в нем была характеристика преподавательского состава. Ревизор посещал занятия каждого из наставников, по итогам чего давал характеристику, в которой указывал педагогический стаж учителя, давал подробную оценку методике преподавания. Так, ревизор С. В. Керский в 1875 году по итогам ревизии Вологодской семинарии отдельно отметил труд многолетнего преподавателя Священного Писания А. Н. Хергозерского: «Преподаватель Хергозерский отлично знает свой предмет и всеми ревизорами-членами духовно-учебного комитета был признаваем как один из способнейших и ревностнейших преподавателей в духовной семинарии» .[12] Часто ревизоры ходатайствовали о продлении службы наиболее усердных наставников, а также о представлении отличившихся преподавателей к награде. Так, согласно указу Святейшего Синода от 5 августа 1869 года за № 2987 было определено по ходатайству ревизора Учебного комитета С. В. Керского и епископа Вологодского Палладия (Раева) оставить за особые достоинства преподавателей семинарии Алексея Хергозерского и Ивана Игнатьева, срок службы которых превысил 25 лет[13]. С. В. Керский в отчете по итогам ревизии также отметил, что, принимая во внимание примерно-ревностную и отлично-полезную деятельность, имеется необходимость обратиться к обер-прокурору Святейшего Синода с ходатайством оставить на преподавательском поприще Суворова, Попова, Игнатьева и Хергозерского до достижения 35-летнего стажа педагогической службы .[14]

Отдельно ревизор характеризовал деятельность воскресных школ

---

[11]Миропольский С. И. 25-летие Учебного комитета при Святейшем Синоде // Церковные ведомости. 1892. № 23. С. 839.
[12]ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 502. Л. 26
[13]ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 447. Л. 247
[14]РГИА. Ф. 802. Оп. 9. 1869 г. Д. 4. Л. 49.

при семинариях, которые стали возникать при духовных школах после преобразований 1860-х гг. и являлись важной практической площадкой для учеников по педагогике. Ревизор, характеризуя учебную часть, оценивал письменные ученические сочинения, прак тику проведения экзаменов, в том числе и приемных.

Важным также представлялся раздел, посвященный учебно-вспомогательным учреждениям. В нем, прежде всего, давалась характеристика библиотеки. В первую очередь ревизор оценивал библиотечное помещение, количество книг в фундаментальной и ученической библиотеках, при чем во второй из них особое внимание уделялось содержанию книг.

Отдельно и достаточно подробно ревизор характеризовал воспитательную часть. В данном разделе ревизор обычно указывал на состав инспекции, стаж их работы в данной должности. Достаточно подробно ревизор оценивал нравственное состояние учащихся, попутно уделяя отдельное и достаточно пристальное внимание протестным движениям, подпольным организациям и так далее. Так, в частности, в 1875 году С. В. Керский в своем отчете по итогам ревизии Вологодской семинарии, отметил, что в период с 1872 по 1875 год многие из воспитанников семинарии оказались людьми «вредного направления, или по крайней мере сомнительного поведения и направления »[15]. Ревизор отмечал, что среди неблагонадежных воспитанников большинство были ранее уволены из других учебных заведений за политические преступления, некоторые имели среди близких родственников политических преступников. Со стороны ссыльных семинаристы также являлись предметом особого внимания, так как считались лучшими пропагандистами. Также, по мнению С. В. Керского, в Вологде существовало общество революционного характера, одной из задач которого была пропаганда среди семинаристов[16].

Подробную характеристику ревизор давал и хозяйственно-экономической части. Сюда входило состояние общежития и семинарских помещений, уровень гигиенического состояния квартир

---

[15]ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 553. Л. 497 об
[16]Там же. Л. 498 об.

своекоштных учащихся, столовой. На основе данных замечания можно составить достаточно подробную картину, освящающую материальное состояние и быт воспитанников духовной школы второй половины XIX – начала XX века.

Отчеты ревизоров Учебного комитета представляют собой «жикартину»[17] состояния духовных школ и являются наиболее объективным источником, характеризирующим все стороны жизни того или иного духовно-учебного заведения. В виду того, что они содержат много ценных указаний и разъяснений, в течение продолжительного времени, до того момента, когда духовно-учебные заведения смогли правильно сформировать общий ход учебно-воспитательного процесса, они печатались и рассылались во все духовные школы, а также всем епархиальным архиереям. В целом, отчеты ревизоров Учебного комитета «составляют ценный вклад в историю нашей духовной школы»[18].

Источники и литература

1. Глубоковский Н. Н. По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об Учебном комитете при Святейшем Синоде. СПб.: Синодальная типография, 1907. 148 с
2. Журнал собраний и заседаний Правления Вологодской духовной семинарии // Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 466. Оп. 1. Д. 447.
3. Миропольский С. И. 25-летие Учебного комитета при Святейшем Синоде // Церковные ведомости. 1892. № 23. С. 829–840.
4. О предоставлении сведений в Департамент Правительствующего Синода о духовно-учебных заведениях Вологодской епархии // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 553.
5. По отчету статского советника Керского о произведенной им ревизии духовно-учебных заведений Вологодской епархии // Российский государственный исторический архив (РГИА).Ф.802. Оп. 9. 1869 г. Д. 4.
6. Положение об Учебном комитете. СПб., 1907. 16 с

[17] Миропольский С. И. 25-летие Учебного комитета при Святейшем Синоде… С. 840.
[18] Там же.

7. Православная богословская энциклопедия или Богословский энциклопедический словарь, содержащий в себе необходимыя для каждаго сведения по всем важнейшим предметам богословскаго знания в алфавитном порядке: издание под ред. проф. А. П. Лопухина: с иллюстрациями и картами. Пг., 1900-1911. Т. 12. 1911. 928 с.
8. Сухова Н. Ю. Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М.: ПСТГУ, 2006. 659 с
9. Учебный комитет при Синоде. Дело о печатании ревизорских отчетов о состоянии духовных семинарий и училищ // РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 142.
10. Формулярные списки служащих семинарии // ГАВО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 502.

Зяблицкий Сергий (Остап) Николаевич, иерей
Вологодская духовная семинария

Миссионерская деятельность священника иоанна полянского среди старообрядцев вологодской губернии

Аннотация:

История миссионерской деятельности среди старообрядцев на территории Вологодской губернии имеет достаточно большую историю. Тем не менее на сегодняшний день тема миссии вологодского духовенства среди старообрядцев не являлась объектом специального исследования, а фонды регионального архива дают перспективу ввода в научный оборот новых источников по заявленной тематике. В статье на основе архивных материалов дается характеристика миссионерской деятельности известного миссионера Вологодской губернии священника Иоанна Полянского. На основе имеющегося материала проводится попытка реконструкции практики миссионерской деятельности, а также дается оценка деятельности знаменитого миссионера.

Ключевые слова: Вологодская губерния, старообрядчество, священник Иоанн Полянский, миссионер.

Priest John Polyansky's missionary activity among the Old Believers of the Vologda province

Annotation.

The history of missionary activity among the Old Believers on the territory of the Vologda province has a fairly long history. Nevertheless, the issue of the Vologda clergy mission among the Old Believers has not been the object of a special study; and the funds of the regional archive give the prospect of introducing new sources on the mentioned issue into scientific circulation. Based on the archival materials, the article characterizes the famous missionary priest John Polyansky's activity in the Vologda province. The attempt to reconstruct the practice of missionary activity is made, and the

famous missionary's activities are evaluated after having taken into account the available materials.

Ключевые слова: the Vologda province, the Old Believers, priest John Polyansky, missionary.

Старообрядчество в Вологодской губернии появилось вместе с возникновением его в Русской Церкви, что является одной из причин устойчивости и жизненности его в приделах епархии. Специфика Вологодской губернии такова, что в северных уездах приходы отдалены от деревень, что служило немаловажной причиной отчуждения народа от Церкви и того, что раскол трудно поддавался врачеванию со стороны Церкви[1]. Таким образом, к началу XX века движения старообрядчества различных толков проникли во все десять уездов Вологодской губернии, в некоторых уездах количество раскольников исчислялось единицами, в других – сотнями, и тысячами: в каждом уезде была определенная центральная местность, где раскол имел свое главное средоточие. Согласно статистическим данным из годовых отчетов епархиальных архиереев в Святейший Синод с 1861 по 1900 гг., общая тенденция указывает на увеличение числа старообрядцев. Ежегодно число старообрядцев увеличилось путем уклонения от Православия в среднем на 40 человек. В Православие из старообрядцев ежегодно переходило 14-15 человек.

Для ослабления и искоренения раскола на территории Вологодской епархии духовное начальство предпринимало различные меры. Так, в 1885 году было открыто Вологодское епархиальное православное братство во имя всемилостивого Спаса[2], а в 1896 году Великоустюжское Стефано-Прокопьевское братство[3]. Главный аспект деятельности братств был направлен на обращение раскольников и «колеблющихся» к истинной Церкви. Миссия состояла из трех епархиальных, двадцати трех окружных миссионеров и трех миссионеров-сотрудников.

Одним из наиболее известных епархиальных миссионеров был священник Иоанн Полянский, который впоследствии стал знаменитым миссионером среди старообрядцев как Вологодской губернии, так и за ее пределами.

---

[1] РГИА Ф. 796. Оп. 442. Д. 2323. Л. 43 об

[2] РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 461. Л. 42 об.– 44.

[3] См.: Зяблицкий С., свящ. Старообрядчество Вологодской губернии в XIX — начале XX вв. (по материалам годовых епархиальных отчетов) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 171–177

Иван Васильевич Полянский родился 9 октября 1864 года в Калужской губернии в семье пономаря. В 1885 году окончил Калужскую духовную семинарию, в 1889 году – Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия.

Чувствуя в себе способность к миссионерскому служению, Студент IV курса Московской духовной академии Иван Полянский обратился к епископу Вологодскому и Тотемскому Израилю (Никулицкому) с прошением об определении его, по окончании курса, на должность Вологодского епархиального миссионера. Затем после одобрительного отзыва ректора Московской духовной академии епископа Волоколамского Христофора (Смирнова) Иван Полянский 11 ноября 1889 года получил назначение в Вологодскую епархию на просимую должность. 24 декабря 1889 года епископом Израилем он был рукоположен во священника и назначен сверхштатным священником при Софийском кафедральном соборе. Вологодская епархия стала местом начала миссионерской и просветительской деятельности священника Иоанна Полянского среди старообрядцев.

Служение отца Иоанна в качестве епархиального миссионера заключалась в совершении миссионерских и просветительских поездок по уездам губернии 3-4 раза в год. В ходе поездок миссионер составлял справки о состоянии раскола, изучал численность раскольников, определял лидеров среди старообрядцев, изучал особенности вероучения разных толков и согласий, количество и места моленных, проводил просветительские беседы среди православных и обличительные среди старообрядцев.

Вступая на поприще миссионерской деятельности, отец Иоанн чувствовал необходимость в подготовке новых миссионеров. С 1882 года в Вологодской духовной семинарии проходили воскресные собеседования по расколу. Данная мера служила отбором самых одаренных воспитанников к дальнейшему миссионерскому служению.[4] Наставники, выступая в роли оппонентов, в данных диспутах отстаивали учение старообрядцев опираясь на старопечатные книги, а воспитанники семинарии защищали Православное учение от нареканий и заблуждений раскольнических, обличая раскол.

---

[4] Ферапонт (Широков), иером. Развития среднего духовного образования в Вологодской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Дис. канд. богосл. СПб., 2021. С. 93.

Самых одаренных способных к миссионерскому служению отец испытывал в ходе своих путешествий по губернии в отдаленные уезды. Так, с 7 мая по 27 июля 1896 года по распоряжению консистории священником Иоанном Полянским вместе с Стефаном Клочковым и Николаем Соколовым было совершено миссионерское путешествие в Великоустюжское викариатство Вологодской епархии, в Усть-Сысольский уезд, в Печорский приход. Ввиду обширности епархии и труднодоступности отдаленных уездов одна только дорога была предприятием непростым. Основной путь миссионера Полянского проходил три дня на теплоходе по реке Сухона до Великого Устюга. Затем по реке Печоре 4 дня до Ульяновой пустыни, откуда 382 версты на лошадях до Печорского прихода. Вся дорога занимала порядка 10 дней.

Прибыв на место, отец Иоанн проанализировал состояние раскола в Печорском крае, где миссионер обнаружил сильное влияние феодосеевского согласия, исповедующих безбрачие, о чем свидетельствовало большое количество незаконнорожденных, которые названы не по отчеству, а по матчеству, например, Алексей Аксиньич, Иван Марьич и так далее. Как свидетельствовал отец Иоанн, моленных у раскольников нет и никаких общих молитвенных собраний у них не бывает.

Объехав все наиболее населенные пункты Печерского края, священник Иоанн Полянский посетил пять приходов, где за все время было проведено двадцать пять бесед. Отец Иоанн Полянский первый миссионер епархии, кто занялся миссионерской работой среди зырян, для чего использовал переводчиков[5]. По результатам данного путешествия 30 июля священником Иоанном был подан рапорт преосвященному Алексию, епископу Вологодскому и Тотемскому о практической пригодности на должность миссионера своих спутников Стефана Клочкова и Николая Соколова. Отец Иоанн для усиления миссии в северо-восточных уездах губернии счел необходимым допустить обоих кандидатов до миссионерской деятельности[6]. Так как помощникам отца Иоанна было 25 и 27 лет соответственно, то с целью освобо-

[5] Подробнее о миссии среди зырян см.: Ферапонт (Широков), иером. Проблемы преподавания зырянского языка в Вологодской духовной семинарии в XIX веке // Христианство и педагогика: история и современность / материалы IV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 189–199.

[6] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16722. Л. 51 об.

ждения их от воинской повинности они были устроены учителями при уездных школах.[7]

Следует отметить, что отец Иоанн смог убедить епархиальное начальство принять на должность помощника миссионера сразу двух человек, таким образом впервые в Вологодской епархии появился миссионер среди зырян – Стефан Клочков, впоследствии ставший членом III Государственной думы от Вологодской губернии, членом комиссии по старообрядческим делам.

Отец Иоанн впервые в истории Вологодской епархии организовал регулярные миссионерские поездки, в которых сам принимал участие.

В период с 5 по 12 декабря 1895 года отец Иоанн Полянский совер-совершил путешествие в Флоролаврский приход Грязовецкого уезда, место, на которое «с самого начала службы отец Иоанн обратил особое внимание, как самый зараженный расколом из всех приходов».[8] В данном приходе более 18% людей являлись старообрядцами. Данный процент людей разделятся на три толка: филиповское, спасовское и странническое (Никитино братство и толковники). Начетчики и спорщики были весьма образованными и готовились к каждому приезду миссионера. Одним из мест притока грамотных старообрядцев, начетчиков – лидеров старообрядческих обществ, было земское училище, находящееся при церкви.

В то же время в основном люди были малограмотные. Свидетельст-Свом тому служат курьезные вопросы старообрядцев, которые приводит в своем отчете отец Иоанн Полянский. После длительной беседы один из собеседников заявил: «Все то правда, что вы говорите, так и есть батюшка! Но только вы уйдете, все я позабуду, и опять за свое примусь. А сейчас как будто сердце трогается вашими речами!» .[9] Однажды отцу Иоанну был задан вопрос: «Чем поп прав, что у вас поют об этом в Церкви? (Речь шла о славах пасхального тропаря: смертию смерть поправ – прим. автора)» .[10]

Вероучительной особенностью данного места было то, что старообрядцы не крестили своих детей, так как считали священников слугами антихриста. Так, для священников регулярно возникала противоречивая ситуация, когда некрещенный старообрядец прихо-

---

[7] Там же. Л. 55.
[8] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16881. Л. 9.
[9] Там же. Л. 14.
[10] Там же. Л. 3 об.

дил в Церковь заключить брак,дабы получить государственные права.[11]

Отец Иоанн Полянский находился в Грязовецком уезде 7 дней. За это время было совершено 2 службы, сказано 2 проповеди, и проведено 4 беседы. Беседы проходили в деревнях Шемяйкино, Курочкино и Баращево.

Проповедь в храме помогала выявить старообрядцев среди прихожан. Тема для проповеди выбиралась миссионером злободневная, исходя из вероучения старообрядцев. Так, например, если в приходе имелись беспоповцы, проповедь шла о установлении Таинства священства, о Таинстве причащения. В случае небрачных толков проповедь была о Таинстве брака. Вместе с этим безусловно речь заходила и о хождении по солнцу или против, о имени Божием (с одной или двумя и произносить имя Христа), о перстосложении. Целью проповеди служило то, чтобы православные углубились в знании своего вероучения, а старообрядцы склонились к беседе. Именно беседы, по мнению отца Иоанна, являлись главным оружием миссионера.

Миссионеру не всегда удавалось собрать людей для беседы. Как правило в назначенное время никто не приходил, тогда миссионеру нужно было найти хотя бы одного человека с деревни, за которым начинали приходить остальные. На беседах отец Иоанн присутствовал как правило с помощником, один вел спор, второй находил необходимые цитаты в старопечатных книгах.

Под постоянным попечением отца Иоанна были несколько приходов Вологодского уезда, в которых имелись сторонники странничества. Места нахождения странников тщательно скрывались, в связи с тем, что время от времени люди пропадали в неизвестном направлении вместе с детьми. Данный факт волновал полицию и местных жителей. Так с 14 по 15 октября 1886 года отец Иоанн Полянский совершил поездку в Беседенский, Домшинский (единоверческий), Мишехонский приходы Вологодского уезда. За 19 дней своего пребывания в данном уезде отец Иоанн совершил 5 богослужений, произнес 5 проповедей, и организовал 10 собеседований, по результатам кото-

[11]Там же. Л. 3 об.

рых миссионер составил справки о секте странничества.

Таким образом священник Иоанн Полянский за годы своего служения не только воспитал череду миссионеров, но и укрепил просветительскую деятельность среди старообрядцев в Вологодской губернии. Вологодский период в жизни отца Иоанна стал стартовым, и послужил тому, что в дальнейшем он достиг высот как известный миссионер-проповедник и расколовед.

6 ноября 1898 года отец Иоанн был переведён в Херсонскую и Одесскую епархию и назначен Херсонским епархиальным противораскольничьим миссионером. В 1901 году он перевелся в Московскую епархию. С этого времени начинается московский период его миссионерского служения. С 1901 по 1904 гг. отец Иоанн являлся преподавателем гомилетики и сотрудником (помощником) преподавателя истории и обличения раскола в Московской духовной семинарии. С 1904 по 1917 гг. был преподавателем Московской духовной семинарии по истории и обличению раскола, а также обличительному богословию, совмещал преподавание с должностью Московского епархиального противораскольнического миссионера. С 1917 по 1923 гг. безвозмездно нес послушание Московского епархиального миссионера, и представителя от противораскольнической миссии в миссионерском совете при Священном Синоде.

Таким образом: отец Иоанн всю свою жизнь посвятил миссионер-миссионерскому служению, а период служения в Вологодской епархии стал временем становления его как миссионера-проповедника. Именно отец Иоанн сформировал в Вологодской епархии хорошо функционирующую систему миссионерского служения и воспитал новое поколение миссионеров, который в течении последующего времени успешно продолжали труд своего наставника.

Источники и литература

1. Дело о назначении второго миссионера по борьбе с раскольничеством и сведения об издержках и содержание миссионера Полянского // Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 496. Оп. 1.

Д. 16722.

2. Дело по рапортам Епархиального миссионера – священника Полянского, о результатах поездок его в раскольнические приходы // ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 16881.

3. Зяблицкий С., свящ. Старообрядчество Вологодской губернии в XIX — начале XX вв. (по материалам годовых епархиальных отчетов) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 171–177.

4. Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1872 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 461.

5. Отчет о состоянии Вологодской епархии за 1909 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2323.

6. Ферапонт (Широков), иером. Проблемы преподавания зырянского языка в Вологодской духовной семинарии в XIX веке // Христианство и педагогика: история и современность / материалы IV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2020. С. 189–199.

7. Ферапонт (Широков), иером. Развития среднего духовного образования в Вологодской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. Дис. канд. богосл. СПб., 2021. 364 с.

Денискин Артемий (Артём) Игоревич, иерей
Вологодская духовная семинария

Духовно-нравственный и социально - психологический аспекты деятельности православно-ориентированных добровольцев

Аннотация:

Православно-ориентированное добровольческая деятельность является непосредственной функцией Православной Церкви в деле Её служения обществу. Соответствующее утверждения содержится в Св. Писании Нового Завета. Так, в самом начале существования христианской общины был образован институт диаконата (см. Деян. 6:1-5), непосредственной обязанностью которого стала социальная помощь нуждающимся. Однако, помимо соответствующей организации подобной работы, необходимым условием её осуществления является внутреннее наполнение. В статье производится попытка анализа духовно-нравственного и социально-психологического аспекта деятельности православно ориентированного добровольчества как необходимых условий существования подобной работы. Обосновывается необходимость внутренней работы над духовным ростом самих волонтёров. Разъясняется педагогическая функция православного добровольца.

Ключевые слова: волонтёр, воля, воцерковлённость, добровольчество, духовность, милосердие, образ Божий, подобие Божие, помощь, Церковь.

Spiritual, moral and socio-psychological aspects of Orthodox volunteers' activities

Annotation.

Orthodox voluntary activity is a direct function of the Orthodox Church in its service to society. This statement is contained in the Holy Scripture of the New Testament. Thus, at the very beginning of the Christian

community's existence the institute of diaconate was formed (see Acts. 6:1-5), and its immediate responsibility was social assistance to those in need. However, in addition to the appropriate organization of such type of work, the inner content is a necessary condition for its implementation. The article attempts to analyze the spiritual, moral and socio-psychological aspects of the Orthodox volunteerism as necessary conditions for carrying out such type of work. The necessity of the internal work on the spiritual growth of volunteers themselves is substantiated. The pedagogical function of an Orthodox volunteer is explained.

Key words: volunteer, will, church membership, volunteerism, spirituality, mercy, Image of God, Likeness of God, help, Church.

Добровольческая деятельность является одним из важнейших направлений деятельности Церкви с самого Её основания: «больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте; даром получили, даром давайте» (Мф. 10:8)[1]. Сам Господь Иисус Христос Своим примером показал характер такой деятельности – добровольно прошёл через все страдания, муки, унижения и Крестную смерть. Таким образом, добровольческая деятельность, по своей природе заключается в подвиге ради человека, а не идеологической концепции.

Любая деятельность человеческого индивида есть проекция процессов его внутреннего настроения, его отношения к тем или иным условиям внешней среды. Диссонанс возникает лишь в случае глубоких противоречий между идейными конструктами и явлениями реальности в рамках той или иной мировоззренческой концепции. Поэтому, чрезвычайно важна гармония во отношении воззрений и поступков.

В контексте православной добровольческой деятельности, помимо стремления оказания помощи важны также духовно-нравственный и социально-психологический аспекты деятельности, поскольку человек составляет синергию двух начал - духовного (души) и физического (тела), следовательно, только при наличии целостного подхода к восприятию возможно осуществление волонтёрского служения на

[1] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и нового Завета. – М.: Российское Библейское Общество, 2003. - с. 1048

должном уровне.

Данная тема актуальна в связи с тенденцией с увеличением возникновения случаев как эмоционального, так и духовного «выгорания» в среде волонтёров. Развитию данного явления способствуют как эндогенные, так и экзогенные условия (сложная эпидемиологическая и экономическая обстановка в стране, усиление информационного фона и пр.).

Целью написания данной статьи является анализ духовно-нравственного и социально-психологического аспектов деятельности православно-ориентированных добровольцев.

Как известно, огромное значение в любой деятельности имеет личностная направленность. Проф. В. Н. Лосский отмечает: «Человек, как и Бог, существо личное, а не слепая природа. В этом характер Божественного образа в нем <…> Святой Григорий Нисский учит, что личность есть избавление от законов необходимости, не подвластность господству природы, возможность свободно себя определять» [2]. Иными словами – только направление воли индивида определяет вектор его развития. В связи с чем, определяющее значение приобретает духовно-нравственная и социально-психологическая направленность добровольца.

Известное новозаветное утверждение «Ибо, как тело без духа лмертво, так и вера без дел мертва» (Иак. 2:26)[3] весьма определённо указывает на необходимость добровольчества. Вместе с тем, одна лишь деятельность, хотя и направленная на достижение блага, не может способствовать духовной пользе индивида. Так, св. ап. Павел, утверждает следующее: «однако же, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдается никакая плоть» (Гал. 2:16) [4]. То есть, обособление указанных элементов друг от друга негативно влияет на движение к достижению главной цели христианской жизни – спасения (σοτηρία). И только унисон веры и деятельности способен сделать полноценной жизнь человека.

В современном мире происходит процесс коренной трансформа-

---

[2] Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – Москва: Центр «СЭИ», 1991
[3] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и нового Завета. – М.: Российское Библейское Общество, 2003. - с. 1189.
[4] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и нового Завета. – М.: Российское Библейское Общество, 2003. - с. 1189.

ции мировоззренческих установок, выражающийся в отходе от тех концепций мира, которые предлагаются традиционными религиями. Под понятием «духовность» подразумевается комплекс эмпирических навыков, интеллектуальный уровень и культурные явления и феномены. Для секуляризованного сознания религиозная идея, равно как и нематериальный мир представляется, как правило, продуктом деятельности человеческого сознания, отвлечённым понятием.

В христианстве, мир духовный не есть абстракция, а реальный способ бытия со своими законами онтологии и диалектики. А потому, совершенно неразумно пренебрегать данным фактом. Духовность – это «…проявления таинственного Действия Святого Духа»[5]. Духовное начало является двигателем всей деятельности христианина (см. Кол. 3:17), которая направлена на созидание и свидетельство о Христе как универсальном Спасителе и Искупителе для всех, стремящихся к Нему. Кроме того, следует помнить, что человек является свободно-разумным существом, имеющим образ и подобие Отца Небесного – личность, важнейший атрибут которой есть свобода воли. Без осмысленного стремления или желания любая деятельность индивида, даже имеющая по своей природе конструктивный характер, не имеет влияния на духовное возрастание.

Другим существенным моментом или побудительной причиной добровольчества является любовь, как фундамент всех активных действий: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я - медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею [дар] пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что [могу] и горы переставлять, а не имею любви, - то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы», и «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла» (1 Кор. 13:1-3; 4-5)[6].

В свете вышеприведённых размышлений, получается, что духовность в деятельности христианина, не является сводом некоторых

---

[5] Антоний (Блум), митр. Быть Христианином. – М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2012. – с. 46.
[6] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и нового Завета. – М.: Российское Библейское Общество, 2003. - с. 1226

правил поведения, а является наполнением его жизни. В свою очередь, она подразумевает несколько направлений. Во-первых, это руководство своей жизни в соответствии со своим стремлением ко Христу. А во-вторых, это личный духовный подвиг. Оба указанных компонента следует пояснить подробнее.

Духовная жизнь как содержание существования появляется как выражение стремления к объекту ориентированной любви - Богу. Тем, Кто явил миру Образ Отца Небесного, является Богочеловек Иисус Христос. По Своему человечеству Он сопричастен каждому из нас. Соответственно, каждый человек, как носитель образа Божия, достоин воспринимать должное к нему отношение. Иными словами, в этом заключается любовь к ближнему – осознании другого индивида как носителя соответствующих качеств, которые были вложены Богом при творении.

Любовь, и происходящая от неё милость способствуют реализации жизненной программы христианина, призванного свидетельствовать миру о Своём Спасителе. Однако, деятельность добровольца имеет более ответственный характер, поскольку таким людям зачастую приходиться иметь дело с непониманием или прямо враждебным отношением к христианству. И здесь следует уже говорить о подвиге. Святитель Тихон, епископ Задонский, под милостью понимает двоякую направленность: «Человек состоит из двух частей: тела и души; потому и милость, ему оказываемая, двоякая: душевная и телесная. Милость телесная, когда телу дается милость, например, алчущего напитать, жаждущего напоить, и прочее. Милость душевная, когда душе делается милость, например, обратить грешника от греха и приводить к лучшему житию, скорбящего утешать, и прочее <…> Милость бывает, когда делаем добро недостойным, то есть тем, которые ничем у нас того не заслужили, или даем выше заслуги награждение».[7]

Как видно из описания, подвиг здесь заключается в одинаковом отношении ко всем нуждающимся, вне зависимости от положения, при этом подавляя в себе чувство предвзятости, осуждения и обиды в

[7] Тихон Задонский, свт. Симфония по творениям свт. Тихона Задонского. – М.: «ДАРЪ», 2007. - с. 542.

случае нанесения оскорблений. Такое положение дел показывает всю ответственность волонтёров, призванных к ежедневному служению как физическому, так и духовному. Из истории известны многочисленные мученические акты, в которых христиане разных времён и народов свидетельствовали о своей вере. Такие поступки были высшим проявлением любви ко Христу. Во время смены эпох, гонения прекращались, однако, в новых условиях подвиг не прекратился. Митрополит Антоний (Блум), размышляя о смысле христианского бытия приводит следующие рассуждения: «Быть учеником Христа не значит всё время совершать какие-то героические поступки; это значит изо дня в день героически совершать мелкие поступки; иметь мысли чистые, достойные той любви, которую Бог к тебе имеет; иметь правоту жизни, сколько это возможно, даже с опасностью, даже с риском…» [8].

Из приведённого выше фрагмента видно, что: а) жизнь во имя Христа равноценна страданиям за Него; б) эта жизнь должна резонировать с внутренним состоянием самого человека – должен иметь место внутриличностный подвиг. Следует отдельно пояснить последний момент. Под внутренней работой подразумевается постоянная борьба с различными проявлениями греха – помыслами, ощущениями и пр. Кроме того, помимо отрицательного компонента деятельности – воздержание, отказ от греховных привычек, важно и положительное действие – культивирование добродетелей, противоположных страстям и порокам.

Делание проявляется в активной заинтересованности в искоренении всех идей и представлений, противоречащих евангельскому учению. Поскольку, каждый христианин, а тем более, если речь идёт о православно-ориентированном добровольце, всем своим существом призван показывать характер Самого Христа: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16). То есть добродетель должна находиться на таком уровне совершенства, чтобы окружающие люди могли постигать характер Бога через созерцание образа жизни

[8] Антоний (Блум), митр. Быть Христианином. – М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2012. - с. 9.

христианина.

С другой стороны, необходимо учитывать фактор религиозности, в указанном случае – воцерковлённости человека.Участие в жизни Церкви и Её Таинствах, молитве выражает и раскрывает характер всей добровольческой деятельности. Поэтому необходима работа с самими волонтёрами, им требуется разъяснять значение активной церковной жизни. При этом важно свободное волеизъявление человека. Ни в коем случае недопустимо какое-либо суггестивное воздействие.

Следует указать, что духовность является серьёзным фактором в современном мире, поскольку является высшим уровнем самоидентичности индивида, указывая тем самым на наличие крепкой волевой личности, что в свою очередь говорит о самосознании человеком своей роли и места в мире. Добродетель, которая развивается в рамках духовности, по словам свт. Тихона Задонского, есть показатель величия и красоты души[9].

Однако для достижения такого состояния необходимо усилие или старание к приложению как духовных, так и физических сил. Святитель Феофан Затворник говорит об этом следующее: «Поднимаете труды «не всегда по влечению, а больше по принуждению». Таков уж закон — противиться себе в худом и нудить себя на добро. Сие и означают слова Господа, что Царствие Божие нуждится и нуждницы восхищают его. От этого и следование за Господом есть иго. Когда бы все делалось по влечению, какое бы было в сем иго? — В конце, впрочем, приходит, что все делается охотно и легко»[10].

Для православно-ориентированного добровольца, следовательно, чрезвычайно важно проводить не только внешнюю подготовку, но, прежде всего приводить собственное духовное состояние в соответствие с позиционируемой приверженностью христианской вере. У подобной деятельности, кроме интровертивной направленности имеется значительный педагогический потенциал.

Дело в том, что процесс обучения происходит в течение всей жизни человека, невзирая на наличие того или иного образования, то есть не исчерпывается лишь освоением той или иной учебной программы. Кроме всего прочего, данное явление зачастую имеет неосознанный

---

[9] Тихон Задонский, свт. Симфония по творениям свт. Тихона Задонского. – М.: «ДАРЪ», 2007. - с. 200.

[10] Георгий (Тертышников), архим. Симфония по творениям свт. Феофана Затворника. – М.: «ДАРЪ»,2008. - с. 438.

характер, то есть по своей сути, является средством невербального общения. Поэтому, любые новые для окружающих действия со стороны в т. ч. православного ориентированного добровольца, будут восприняты человеком, нуждающимся в помощи, на подсознательном уровне в качестве образца для подражания.

Итак, помимо непосредственной функции помощи деятельность православного добровольца приобретает педагогическую черту, что, собственно, выражается в полиморфизме участия Церкви в жизни общества. «Церковное социальное служение стремится к полноте, сочетанию божественных законов с нормами общества. Оно охватывает социальные, культурные, духовно-нравственные сферы деятельности человека. Такой подход отражает православное мировоззрение, стремящееся гармонизировать жизнь человека и рассматривать его частные стороны во взаимоединстве с целым — с Богом» [11].

Педагогический момент деятельности православно-ориентированного добровольчества выражается в ненавязчивой проповеди христианства действиями, благоприятным отношением к нуждающимся вне зависимости от его политических, религиозных и др. предпочтений. Такое отношение имеет происхождение не из светской гуманистической этики, а христианского понимания миссии по отношению ко всему миру: «Вы - соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям. Вы - свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы» (Мф. 5:13-14) [12]. В данном случае это означает то, что проповедники Истины как соль предохраняют от духовного разложения и как свет обличают дела мрака. Сравнение с городом говорит о высшей степени ответственности за свои помыслы и поступки [13].

Вся педагогическая направленность православно-ориентированного добровольчества строится на нескольких принципах: христоцентричности, экклезиоцентричности и педоцентричности. Христоцентричность выражается в чёткой установке на то, что основанием жизни является Господь Иисус Христос: «Я есмь лоза, а вы ветви;

---

[11] Хулап В. Ф. прот. Астэр И. В.Павлова В. А. Православно-ориентированное социальное добровольчество. – СПб: ЦРКиСО, 2018. – с. 113.
[12] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и нового Завета. – М.: Российское Библейское Общество, 2003. – с. 1042.
[13] Феофилакт Болгарский, архиеп. Охридский. Толкование на Евангелие от Матфея. // https://azbyka. ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie na-evangelie-ot-matfeja/5 (Дата обращения: 09. 04. 2022 г.).

кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего (Ин. 15:5). Экклезиоцентричность подразумевает под собой то, что деятельность в рамках христианства возможна лишь в Церкви как столпе и утверждении Истины (см. 1 Тим. 3:15), как среды в которой имеются благоприятные условия для полноценной реализации духовного потенциала каждого человека с помощью Божественной Благодати. Педоцентричность предполагает бережное и должное отношение к человеческой природе, как высшей ценности[14].

Здесь, однако, следует провести грань, отделяющую собственно добровольчество от социально-педагогической технологии. Такая необходимость связана с опасной тенденцией к трансформации добровольческой деятельности в способ достижения определённого социального имиджа – появление различных курсов или тренингов, которые обучают увеличению пользы для самого оказывающего помощь индивида, а не нуждающемуся. То есть здесь подразумевается социальный гешефт. В погоне за достижением указанной цели, получается противоположный эффект - вся добровольческая деятельность становится хаотичной и низкопродуктивной, дискредитирующей Церковь в глазах других членов общества[15].

Поэтому для православного волонтёра быть примером для подражания имеет первостепенную, после оказания непосредственной помощи, задачу. Сообразуется это утверждение со словами Апостола: «И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?» (1Кор. 14:8).

Что же касается психологического аспекта православно-ориентированного добровольчества, то здесь должно заметить, что любая деятельность подобного рода стимулирует развитие эмпатии, что в свою очередь имеет положительный момент как для внутреннего мира самого индивида, так и для окружающих его людей, способствуя укреплению межличностных связей. Данный момент важен и в реабилитации в случае социальной дезадаптации и пр. психологических травм, устраняя, таким образом, барьеры во взаимодействиях с

---

[14] Хулап В. Ф. прот. Астэр И. В. Павлова В. А. Православно-ориентированное социальное добровольчество. – СПб: ЦРКиСО, 2018. – с. 144.
[15] Казакова Е. В. и др. Психология: учебное пособие. – Архангельск: Издательство «РАО», 2018. – с. 109.

другими членами социума. Иными словами, задачей добровольца в данном случае является стимулирование воли к активации социальной жизни. Главным образом, это связано с динамической стороной мотивационно-волевой деятельности человека, то есть эмоциональными переживаниями, устойчивости стремления к воплощению какого-либо действия к удовлетворению той или иной потребности .

Ещё одна черта построения волонтёрской деятельности состоит в комплиментарности направленной работы – учёта психологических особенностей различных возрастных категорий и социальных групп – индивидуальный подход. Обобщённая схема может повредить как нуждающимся так и самим добровольцам, поскольку создаёт когнитивный диссонанс в межличностных отношениях.

В особом отношении в данном контексте нуждаются люди с ограниченными возможностями. В таком случае, необходима максимальная концентрация усилий по выстраиванию диалога, поскольку восприятие мира у таких людей имеет ряд нюансов. Во-первых, прежде всего, это обострённая потребность во внимании, которая может выражаться в виде эпизодических реакций неудовольствия по отношению к окружающим. Во-вторых, хроническое травмирующее восприятие своего положения (ограничение мобильности, речевой функции и т. д.), которое является преморбидным фоном для возникновения как психо-соматических (неврозы, стрессы и пр.), так и психиатрических (кататонический ступор, сумеречные состояния сознания и пр.) патологий. В-третьих, социальная отчуждённость, выражающаяся в нежелании устанавливать межличностные связи, самозамкнутость.

Работа с подобными людьми должна быть в высшей степени деликатной и периодической, т. к. частая смена лиц не способствует укреплению доверия. Основное направление – побуждение к устойчивости воли человека, как регулятора деятельности, помогающего преодолевать трудные обстоятельства жизни. Такая инициатива исходит из основных характеристик воли: 1) силы, как уровня концентрации; настойчивости – постоянства в достижении определённой

[16] Казакова Е. В. и др. Психология: учебное пособие. – Архангельск: Издательство «РАО», 2018. – с. 109.

цели; 2) решительности, как умения принимать обоснованные решения; 3) выдержки – психологического тормоза, удерживающего от неадекватных и обоснованных действий; 4) самообладания – самоконтроля и аутопроцесса оценки в настоящей ситуации . Влияние волонтёра должно быть употреблено именно на то, чтобы человек осознал необходимость в использовании указанных качеств. Кроме того, требуется чувство такта, понимания и, в то же время, следует избегать попыток психологического манипулирования со стороны человека с ограниченными возможностями.

Таким образом, духовно-нравственный аспект деятельности православно-ориентированных добровольцев имеет содержательную функцию, которая отражает характер самого волонтёрства. В данном случае подобная работа протекает в двух направлениях: как в отношении к нуждающимся, так и самих добровольцев. Аутопроцесс духовного развития является движущей силой всего добровольчества. При этом, подразумевается не только приверженность доктрине, но и её свидетельство, выражающееся в активной церковной жизни: молитва, участие в Таинства Православной Церкви, изучение Св. Писания и Предания, а также проповедь христианства примером своей жизни.

Помимо духовно-нравственного, другим важным аспектом добровольчества является социально-психологический компонент. Волонтёр осуществляет не только функцию материального помощника, но и педагогическую функцию, побуждая человека к внутренней и соматической (в случае наличия ограниченных возможностей) работе и реабилитации. Психологически это выражается стимулированием желания к реконструкции социального статуса и укреплении доверия по отношению к другим членам общества.

В отсутствие вышеперечисленных аспектов, волонтёрская деятельность становится формой без содержания, не приобретая статуса дел милосердия. По своему характеру, такая работа может быть охарактеризована как технология повышения социального престижа самого оказывающего ту или иную помощь, то есть социальная выгода. Во избежание появления указанных негативных тенденций необходимо

[17] Казакова Е. В. и др. Психология: учебное пособие. – Архангельск: Издательство «РАО», 2018. – с. 115-118.

стремления оказания помощи важны также духовно-нравственруководство словами Св. Писания: «пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9:13) .[18]

Источники и литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и нового Завета. – М.: Российское Библейское Общество, 2003.
2. Антоний (Блум), митр. Быть Христианином. – М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2012.
3. Георгий (Тертышников), архим. Симфония по творениям свт. Феофана Затворника. – М.: «ДАРЪ»,2008.
4. Казакова Е. В. и др. Психология: учебное пособие. – Архангельск: Издательство «РАО», 2018
5. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. – Москва: Центр «СЭИ», 1991.
6. Тихон Задонский, свт. Симфония по творениям свт. Тихона Задонского. – М. : «ДАРЪ», 2007.
7. Феофилакт Болгарский, архиеп. Охридский. Толкование на Евангелие от Матфея. // https://azbyka. ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-matfeja/5 (Дата обращения:09. 04. 2022 г.).
8. Хулап В. Ф., прот. Астэр И. В. Павлова В. А. Православно-ориентированное социальное добровольчество. – СПб: ЦРКиСО, 2018.

[18] Библия. Книги Священного Писания Ветхого и нового Завета. – М. : Российское Библейское Общество, 2003. – с. 1047.

Вестник Вологодской

духовной семинарии. 2022 №1 (1).

Научное издание

Выходит 4 раза в год.

Учредитель журнала «Вестник Вологодской духовной семинарии» - Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви.

Учредителем религиозной организации — духовной образовательной организации высшего образования Вологодская духовная семинария Вологодской епархии Русской Православной Церкви является Централизованная религиозная организация Вологодская епархия Русской Православной Церкви.

Главный редактор – митрополит Вологодский и Кирилловский Савва (Михеева А. Е.)

Журнал «Вестник Вологодской духовной семинарии» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в качестве средства массовой информации, регистрационный номер серия ПИ № ФС77-80495 от 15 марта 2021 г.

МЕСТО НАХОЖДЕНИЯ:

Контакты редакции: 160901 г. Вологда ул. Монастырская дом 2.

Телефон: +7 8172559217, +79052982093

Email: vologdakonf@yandex.ru

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции

Подписано в печать
29.12.2022

Тираж 300 экземпляров

Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Арника» г. Вологда ул. Челюскинцев 32.
Телефон +7 8172 72-11-18

УДК 27-1(051)

ББК 86.37

В38

Вестник Вологодской духовной семинарии. – Вологда, 2022. - №1(1). – 95с.

В журнале публикуются научные статьи, отражающие широкий спектр проблем современного гуманитарного знания в области теологии (богословия), философии, истории, религиоведения и филологии.

ПИ № ФС77-80495 от 15 марта 2021 г.